

остатки почвы на обуви подозреваемого в преступлении, микрочастицы волокон и других наложений на одежде, как правило, требует применения комплекса технических приемов и средств, с тем чтобы объективно и полно ответить на вопросы следствия или суда.

...На обочине проселочной дороги, за околицей небольшого населенного пункта был обнаружен труп гражданина Г. По характеру следов повреждения на теле и одежде потерпевшего было ясно, что он сбит автомобилем, следовавшим в районный центр, расположенный в нескольких километрах от места происшествия. Через несколько часов на улице райцентра был обнаружен и задержан автомобиль марки «Жигули», на капоте которого имелись незначительные вмятины. Водитель заявил, что никакого наезда он не совершал. При осмотре автомобиля на правой передней подвеске были обнаружены две серовато-бежевые нити. Перед следователем, естественно, встал вопрос, не принадлежат ли данные нити одежде потерпевшего. Была назначена комплексная экспертиза, производство которой было поручено экспертам различных специальностей.

В процессе исследования с применением сложного химического и молекулярного спектрального анализа в различных зонах спектра, электронно-микроскопического исследования определялась природа волокон и характеристики входящего в них красителя как на ткани одежды гражданина Г., так и на обнаруженных нитях. В результате анализа было установлено, что нити, изъятые с автомобиля «Жигули», и нити брюк гражданина Г. имеют одну и ту же природу волокон: состоят из смеси шерстяных и химических волокон (лавсана), одинаковы по цвету, толщине нитей, степени их изношенности и структуре пряжи, классу и марке красителей. В совокупности эти признаки позволили экспертам с большой степенью вероятности констатировать, что нити, обнаруженные на автомобиле «Жигули», принадлежали ранее ткани брюк потерпевшего. После предъявления заключения экспертизы водителю автомобиля «Жигули» последний признался в наезде. С помощью этого заключения впоследствии были добыты также и другие доказательства, подтверждавшие, что наезд был совершен водителем автомашины «Жигули», на которой обнаружены серовато-бежевые нити.

Для производства экспертиз используются самое современное оборудование и приборы. Универсальные микроскопы, спектрографы, спектрофотометры, газовые хроматографы, рентгеновские установки, приборы для механического и оптического профилирования, фото и киноаппаратура — эти приборы являются сейчас необходимой принадлежностью любого экспертного учреждения. Богатый технический

арсенал в руках опытных специалистов служит тем инструментом, с помощью которого следствие и суды получают важные по делу доказательства.

Безусловно, научно-техническая база экспертных учреждений постоянно совершенствуется с тем, чтобы быть на уровне современных требований и отвечать потребностям следственной, судебной и экспертной практики. Министерство юстиции СССР и министерства юстиции союзных республик разрабатывают научно обоснованные годовые и перспективные планы технической оснащенности экспертных учреждений. Наряду с производством экспертиз в наиболее крупных экспертных учреждениях ведутся научные изыскания по разработке новых приемов и методов исследования поступающих на экспертизу объектов. Результаты научных исследований в виде готовых методов и методик, прежде чем поступить на вооружение экспертов, проходят тщательную проверку и только после этого внедряются в экспертную практику.

Качество судебных экспертиз в значительной степени зависит от квалификации и профессионального мастерства кадров. В соответствии с Положением об организации производства экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР судебный эксперт должен обязательно иметь высшее образование и только в исключительных случаях, при наличии большого практического опыта по специальности, могут быть допущены к этой ответственной работе лица со средним специальным образованием.

Министерство юстиции СССР осуществляет систематическую подготовку и переподготовку экспертов — на всесоюзных и республиканских научно-практических семинарах и специально созданных для этого курсах. Кроме того, эксперты проходят производственную практику в ведущих экспертных учреждениях, а также в научных учреждениях других ведомств. В последнее время введено очное стационарное обучение экспертов различных специальностей во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции.

Молодые специалисты, пришедшие на работу в экспертные учреждения, прежде чем стать судебными экспертами, проходят в соответствии с существующей специализацией курс обучения. Специально созданная комиссия принимает у них государственные экзамены на право самостоятельной подписи экспертиз. Только после этого сотрудник получает право проводить экспертизы.

В дальнейшем специалисты экспертных учреждений, занятые производством судебных экспертиз, периодически проходят аттестацию, при которой с учетом деятельности того или иного эксперта решается вопрос о соответствии занимаемой должности и возможности

обеспечения им производства экспертиз на достаточно высоком профессиональном уровне.

Говоря о деятельности судебно-экспертных учреждений, необходимо остановиться на профилактике, которую они проводят. Эксперт, действуя в соответствии с процессуальным законом, на основе своих специальных познаний, в процессе исследования поступающих к нему объектов и материалов конкретных уголовных дел устанавливает причины и условия (обстоятельства), которые способствовали или могли способствовать совершению правонарушений.

На основе выявленных в процессе исследования данных экспертами разрабатываются мероприятия по устранению причин и условий совершения преступлений. Профилактические исследования по конкретной экспертизе проводятся экспертом как по заданию органа, назначившего экспертизу, так и по собственной инициативе. Так, при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовному делу в отношении работников одного из маргариновых заводов была установлена крупная недостача готовой продукции. Документальное исследование показало, что длительному сокрытию недостачи продукции способствовало то, что она списывалась за счет необоснованного перекрытия недостачи искусственно созданными излишками жирового сырья. Это противоречило требованиям основных положений по проведению инвентаризаций. Эксперты также установили, что действующие нормы естественной убыли при хранении и перекачках масложировой продукции распространялись в одинаковой степени как на нерасфасованную, так и расфасованную продукцию. Это была одна из лазеек для расхитителей.

По рекомендации экспертов заинтересованным ведомствам было предложено изменить существующий порядок списания естественной убыли готовой продукции и внести необходимые изменения и уточнения в действующие инструкции.

В свете выполнения программных требований нашей партии все более возрастает роль экспертных учреждений в работе по предупреждению преступлений и иных правонарушений. Специальные познания экспертов стали шире и полнее использоваться следственными органами и судами при исследовании причин и условий, способствующих совершению преступлений, и разработке мер, направленных на их предупреждение.

30 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

ВЯЧЕСЛАВ СТЕРИН

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН МОЗДОКА

О ЧЕРК

Реж — уютный районный городок, лежащий на пути из Свердловска в Тюмень. Знаменит он своим заводом, который ровесник городу, поставлен два века назад по указу Петра Первого. Теперь, глядя на огромные пролеты цехов, нельзя представить, что на этом месте стояли закопченные коробки первых железоделательных мастерских. В последние годы Реж превратился в современный город — исчезли деревянные ветхие постройки, на их месте выросли современные дома со всеми удобствами...

В центре города, на широкой площади, взметнулся шпиль памятника погибшим землякам. Рядом плещутся волны городского озера, бьются о высокую бетонную дамбу — гордость режевчан. У памятника день и ночь стелется на ветру пламя Вечного огня.

Каждый год — в день Победы — приходят к памятнику ветераны Великой Отечественной войны. Приходят строем, некоторые в военной форме. Майское солнце высвечивает ордена и медали, ветер шевелит поседевшие волосы бывших солдат и командиров, отстоявших страну в грозные военные годы. И в этом строю на правом фланге шагает Евгений Саватеевич Хорьков, кавалер орденов Славы II и III степени, ордена Красной Звезды, председатель Режевского городского народного суда.

Он участвовал в боях за Моздок, воевал на «огненной» Малой земле под Новороссийском, он помнит бои на перевалах Индюк и Семашхо под Туапсе и атаки немецких егерей. Помнит он и каменистый берег под Керчью, помнит страшную и трагическую переправу в мае 1942 года на Таманский полуостров. Но он помнит не только отступления, помнит он и победы. В рядах 117-й стрелковой гвардейской дивизии старшина, а затем лейтенант Хорьков дошел до Берлина. Первомайский рассвет 1945 года его взвод встретил возле Имперской канцелярии — прямой наводкой били артиллеристы по логову фашистского зверя.

Последние двадцать лет земляки избирают Евгения Саватеевича Хорькова народным судьей. Они знают: не посрамил Хорьков родного Урала в боях Великой Отечественной войны. Знают они, что их судья удостоен звания «Почетный гражданин города Моздока» за то, что в тяжелое время боев вытаскивал из-под обломков домов мирных жителей — детей и женщин. Его не забыли моздокцы. И до сих пор к нему в Реж идут письма от тех, кого он спас в те грозные дни.

...Было это десять лет назад. Сыну Андрею шел пятнадцатый год. Сидели они вечером в кабинете — так было заведено в семье: отец и сын занимаются вместе. Андрей шелестел страницами учебников, сердито пыхтел — отец искоса посматривал на него, «Видать, задачка трудная», — прятал улыбку Хорьков. Но особенно приглядываться не было времени — надо было вникать в дело, которое предстояло слушать в суде. Дело было запутанное... И вдруг его отвлек вопрос сына:

— Отец, тебя когда приняли в партию?

— Почему это тебя заинтересовало? На фронте меня приняли... В сорок втором под Моздоком...

— Расскажи!

— Был бой... Подбила наша батарея 13 немецких танков. Я корректировал огонь — лежал в окопе возле самого Терека. По окопу не раз танки прокатывались — но окоп-то я на славу отрыл, не завалился... А вечером в блиндаже на собрании дивизиона приняли в партию.

А в памяти Евгения Саватеевича возникло каменистое плато над Тереком, окоп с коробкой полевого телефона в нише, сполохи разрывов, голубые лапы прожекторов, шарящих в ночном небе. И голос взводного: «Хорьков, ползи в штаб на собрание, я за тебя тут побуду!»

Возник также штабной блиндаж, тусклый, дрожащий от дыхания людей огонь коптилки, сделанной из снарядной гильзы, проступили из мрака прошедших лет осунувшиеся лица бойцов и командиров, зазвучал в ушах хриплый, простуженный голос комиссара их 8-й отдельной гвардейской стрелковой десантной бригады Петра Ивановича Жикина: «Кто за то, чтобы принять кандидатом в члены ВКП(б) командира взвода разведки Хорькова Евгения Саватеевича — прошу поднять руки. Единогласно! Итак, Хорьков, отныне ты большевик. Помни это... Там, где другие шаг вперед делают — большевик обязан три сделать. Понял?»

А сразу же после собрания начался артолет — фашисты снова бросились в атаку. Никогда он не забудет той ночи — немецкие прожекторы слепили глаза, в их голубовато-мертвенном свете двигались, стреляя на ходу, ревущие танки. Фонтаны разрывов, грохот пушек, свист пуль, трассирующие очереди пулеметов, а над головой осветительные ракеты — и такое чувство, что нигде не укрыться от немецких танков и снарядов. Ну разве это можно передать словами?

— Вот и все, — сказал Хорьков и погладил голову сына. — А почему все-таки тебя это заинтересовало, сынок?

— Завтра меня принимают в комсомол, — ответил Андрей.

Они помолчали. Потом сын спросил:

— Сложное дело, отец? — и кивнул на пухлый том дела, которое лежало перед отцом.

— Несложных дел не бывает. Каждое сложно, потому что за каждым делом человек, судьба его.

Дело, которое он листал, действительно было сложным и запутанным.

Следствие установило, что Милюкова Тамара, ранее неоднократно судимая, занималась кражами денег и носильных вещей из квартир граждан, с которыми специально для этого знакомилась. Вместе со своим сообщником Пьяных Милюкова совершала также кражи из деревенских магазинов. На первый взгляд, расследование было проведено основательно: составлены подробные планы, и пунктиром вычерчены пути Милюковой и ее сообщника в кладовые магазинов, опрошены свидетели. Но только на первый взгляд! А стоило вчитаться в пухлые тома уголовного дела повнимательнее, как сразу же возникало много вопросов. И прежде всего о «сообщнике» Милюковой Пьяных. У него следователь при обыске обнаружил ботинки и костюм точно такого же фасона, что и похищенные ботинки и костюмы из магазина геологоразведки в деревне Липовка. Следователь инкриминировал хищение Пьяных, а тот заявил: купил эти вещи совсем в другом городе! А разве это улика — костюм и ботинки? Точно такие же костюмы завозятся в десятки магазинов области. В объяснениях Пьяных была логика — ничего не скажешь...

Однако Милюкова показывала: да, это она совместно с Пьяных похитила костюмы и ботинки, а также отрезки шерстяных тканей из магазина. И даже раскрывала «детали»: Пьяных, мол, лопаткой сорвал с дверей магазина замок, помогал ей выносить вещи на улицу, прятать в кустах. В другом магазине, по словам Милюковой, тот же Пьяных разобрал кирпичную кладку подсобки, и они через пролом проникли внутрь помещения. Действительно, если подумать, то вряд ли под силу женским рукам такая «работа». Но Пьяных виновным себя не признавал и показывал, что Милюкову никогда до ареста не знал и увидел только в милиции.

Почему следствие не обнаружило других вещей у Пьяных? Успела сбыть? Но отчего Милюкова не успела сбыть? Как-то нелогично — обычно сообщники добычу сплавляют вместе, а тут все наоборот. Милюкова обвиняется в 21 краже, 11 она якобы совершила совместно с Пьяных, а тот даже не знал адреса квартир, в которых они воровали деньги.

Просматривая в тот вечер показания Милюковой, рассматривая фото, на которых она показывала, как проникала в тот или иной магазин, он никак не мог отрешиться от недоумения: отчего же следователь не вывозил на места преступлений Пьяных, не фотографировал того у разобранный кирпичной кладки? После показаний Милюковой о краже в Липовке возникло у него сомнение — он неоднократно бывал в той деревне, часто заходил в магазин и помнил: полка с товарами находится справа от прилавка! А Милюкова показывала: Пьяных встал на прилавок и достал отрез сушка с полки... Значит, она сама не была в этом магазине, а взяла на себя чужое дело. Заодно оговорив Пьяных! Но зачем, зачем — ломал он голову. И пришло решение: выехать всем составом суда на место преступления! Он чувствовал: у следствия явно не сходились

концы с концами. Он догадывался: Милюкова что-то скрывает, хитрит.

В ноябрьский непогожий день суд выехал в Липовку. В деревню приехали к обеду: дорога была неважная, с утра сеялся мелкий надоедливый дождь, машины часто буксовали. Возле магазина он обратил внимание на поведение Милюковой: та заметно нервничала, ежилась, кусала губы.

После исполнения обычных формальностей состав суда и подсудимые прошли в магазин.

— Милюкова, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии и в судебном заседании? — задал он ей вопрос.

— Подтверждаю, а как же? — недоуменно пожала плечами Милюкова.

— Покажите, Милюкова, как Пьяных достал отрез материи с полки?

В магазине возникла нервная тишина — все следили за Милюковой.

— Как, как — говорила уже! Взобрался на прилавок и руку протянул к... — и тут бледность покрыла ее лицо, на лбу вспухли капли пота — Милюкова заметила расположение полок и осеклась. Она хрипло дышала.

— Ладно, начальнички, ваша взяла, — произнесла она после паузы, — везите обратно в суд — расскажу без утайки. Сашку, сожителя своего, спасала — думала, пусть он на воле пока погуляет, все, может, когда передачу в колонию пришлет, Вот и взяла его дело на себя, а этот мужик вообще ни при чем.

В суде Милюкова написала заявление, указав причины оговора Пьяных. Дело он возвратил на новое расследование — Пьяных из-под стражи суд освободил. А вскоре Хорьков получил письмо, которое до сих пор хранит в сейфе: «...Еще раз благодарю вас лично и состав суда за выполнение вашего долга судьи и за то, что вы разобрались в том деле и спасли меня от незаслуженного наказания, вернули мне свободу... Искренне ваш — Пьяных...»

«Сложное дело? А бывают ли простые дела?» — Хорьков задумывается. И вспоминает...

Несколько лет назад в городской суд поступило исковое заявление от гражданина Матросова*. Вот что он писал в заявлении: «Матросова Нина Петровна, моя жена, родила мне сына в Режевском родильном доме. По приходе домой из больницы меня, как отца ребенка, взяло сомнение... у малыша на головке росли черные волосы... были черные глаза, смуглое тело... Мать моей жены стала меня уговаривать, что якобы глаза, кожа, волосы со временем должны измениться и станут светлее. Дело в том, что мы с женой оба — светлые, даже, скажем откровенно, — рыжие. Я поверил матери жены, но в душе осталось сомнение. Через несколько месяцев жену поло-

* Фамилии изменены.

жили в больницу с малышом. Однажды я пришел к жене в больницу и узнал, что к нам приезжали гости с поселка 75-го километра Курилловы и что они хотят с нами говорить о чем-то неотложном... Куриллова родила мальчика — лица его она не видела. Только заметила, что у ребенка была головка клином. Через 15 минут моя жена тоже родила мальчика. В палате после родов моя жена и Куриллова лежали вместе... Когда детей разносили на первое кормление, Куриллова, посмотрев на мальчика моей жены, подумала, что это ее ребенок, так как головка у того была продолговатая, клином. Но Куриллова об этом никому не сказала. Потом принесли малыша Курилловой, головка у того была нормальной... Через некоторое время у малыша Курилловой появились рыжие волосы на головке и на бровях. Всем Курилловым это было на удивление, так как у них вся порода была смуглой... После приглашения мы с женой и матерью жены привезли к Курилловым нашего малыша. Мы хотели поглядеть на малыша Курилловых. Их малыш очень походил на мою жену. Просьба как можно скорее разобраться и уточнить все данные о детях».

Суду предстояло решить очень сложный и деликатный вопрос. Наукой разработана методика, позволяющая с большой долей достоверности установить, является ли ребенок ребенком именно этих, конкретных родителей. Передача антигенов (особых белков, находящихся в красных кровяных шариках — эритроцитах) от родителей к детям подчиняется строгим законам наследования признаков. К примеру, если у отца и у матери группа крови А, то от них не может родиться ребенок с группой В. И первое, что сделал судья — направил родителей вместе с детьми на экспертизу. Но Хорьков не ограничился этим. Так как об истории с детьми Курилловых и Матросовых знали многие жители города и с нетерпением ожидали, как же поступит суд, Евгений Саватеевич решил продемонстрировать широкие возможности современной науки даже в таких исключительно сложных вопросах. И сделать это как можно нагляднее. Хорьков знал о методах работы профессора Герасимова, восстановившего портрет Ивана Грозного по черепу. Возникла мысль обратиться в Москву, к Герасимову с просьбой помочь городскому суду по фотографиям родителей и младенцев определить, кому принадлежат дети.

Коллеги усмехались: полноте, да будет ли профессор затруднять себя? Хватит, мол, и выводов областной экспертизы... Но Хорьков все же написал профессору большое и взволнованное письмо. Он писал, что верит в его метод, надеется на его помощь. С этим письмом в Москву ушли фотографии родителей и детей. На обратной стороне фотокарточек родителей стояли их фамилии, фото детей таких надписей не имели.

Наконец почта принесла объемистый конверт с московским штемпелем. Это был ответ профессора Герасимова — его выводы подтверждали выводы экспертизы. Герасимов прислал и подробное объяснение того, как использовать его метод для доказательств, писал о том, как исследовались фотографии родителей и детей в его лаборатории.

К этому времени были готовы уже результаты экспертизы по крови: «...Мальчик Саша не может быть ребенком Матросовых, а

может быть (не исключается) ребенком Курилловых.. У матерей Курилловой и Матросовой мог произойти (не исключается) обмен детей...»

Когда слушалось это дело, в тесном судебном зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, кому не посчастливилось попасть в зал — тянулись на цыпочках, выглядывали из-за плечей впереди стоящих, ловили каждое слово.

Он огласил исковое заявление, заключение судебно-медицинской экспертизы. Затем перешел к письму Герасимова, показал матерям увеличенные фотографии их самих и детей, расчеты профессора. И почувствовал, с каким удовлетворением и доверием восприняли все сидящие в зале решение суда. Нет, все-таки нелегко бывает человеку удостовериться в своей правоте, осознать, что ребенок, которого кормили и нянчили, — не твой... Он видел, как стоят слезы в глазах тех, кто был в зале: у нянечек и медсестер роддома, и подумал, что они себя будут казнить строже всяких администраторов, что вряд ли теперь что-нибудь подобное сможет произойти в их городской больнице...

Было оглашено и частное определение. В нем предлагалось администрации усилить контроль за работой нянь и медсестер в родильном отделении.

...Не сразу улеглись страсти в городе, разбуженные этим делом. Коснулись они тогда даже его семьи. Как-то на рыбалке, когда над костром ворчал котелок с закипающей ухой, спросил его с усмешкой Андрей:

— Отец, а меня случайно не перепутали в роддоме?

— Что-о? — он задохнулся от приступа смеха.— Почему ты задаешь такие вопросы?

Андрей охотничьим ножом выстругивал колышек из березовой ветки, чтобы пробовать в котелке рыбу. Солнце опускалось за косматые вершины сопок на другом берегу реки. Было тихо, только бульканье ухи да шорох падающих оземь листьев с берез нарушали тишину. Шел Андрею тогда уже восемнадцатый год, готовился он к армии.

— Был я на суде, когда детей возвращали. И подумал: почему я блондин, а ты какой-то сивый...

— Нет, тебя не перепутали. В твои годы и у меня были волосы, как пшеница. Война меня перекрасила, сынок. В мае сорок второго — я ж тебе говорил, ранило меня в ногу под Керчью. Еле дополз до берега, взяли меня на мотобот. Считай, последний мотобот, который уходил на Тамань. Повезло... А перед Таманью берег уже виден, осталось метров триста — на мотобот спикировал «юнкерс»... Одни щепки от него остались. Плавать я особо не умел, не на море же вырос, а тут еще раненая нога. Глотаю водичку соленую, перед глазами оранжевые круги, и тащит меня к берегу за ворот гимнастерки морячок. Кричу ему, мол, брось меня, братишка, спасайся сам, а он мне в ответ: «Чтоб ты меня сволочью на том свете считал? Нет уж, корешок, плыви вместе со мной!» И дотащил до берега. Лежим на песке, дышим, как загнанные кони, улыбаемся друг другу: мол, выжили, мол, еще повоюем... А над нами «мессер» тут как тут — мнс ни одной пули не досталось, а у него в спине больше десятка дыр

оказалось... А было ему, между прочим, столько, сколько тебе... В госпитале глянул я на себя — а волосы-то мои совсем в другой цвет окрасились. Вот с тех пор я уже никогда и не был блондином... Уразумел?

— Угу,— сосредоточенно ответил Андрей и ткнул колышком всплывшего окунька.— Уха готова, отец... Да я это так, для смеха спросил.

— То-то,— улыбнулся Евгений Саватеевич...— Перепутали... Тебя перепутаешь...

Как быстро летит время! Андрею уже двадцать пять. Кончает институт. Но и сегодня, как и тогда, сын и отец одинаково понимают многие важные вещи, одинаково стремятся отдать свой долг людям. Долг судьи! Хорьков часто думает об этом. Он не только в том, чтобы карать преступников. Он подразумевает, что судья сделает все, что в его силах, чтоб не было условий для правонарушений... Долг требует: мало еще осудить преступника, надо до конца разобраться в причинах, при которых стало возможно данное преступление.

— ...Суд удаляется на совещание для вынесения приговора!

Эта фраза подводит итог судебным прениям, последним словам подсудимых. В совещательной комнате будут взвешены словно на весах дела и проступки подсудимых и определено наказание за содеянное. Начинается томительное ожидание для подсудимых в камере, неприкаянно слоняются по судебным коридорам родственники тех, кого увел конвой из зала. Да и представители обвинения и защиты неспокойны — через час, через два четко и недвусмысленно будет оценена их работа и станет ясно, с чьей точкой зрения согласился суд. Сегодня же в Режевском городском суде очень много родственников: слушалось дело о преступлении несовершеннолетних, и потому в коридорах толпятся заплаканные матери, нервно курят отцы в уголках. Обвинялись подростки в «совершении особо опасных хулиганских действий и грабеже»...

Фабула дела несложна. Трое подростков праздновали с приятелями по общежитию получение первой зарплаты. Никто из них и не собирался совершать преступление, не собирался избивать и грабить прохожих, когда поднимал стакан с вином. Двое потерпевших тоже не собирались стать потерпевшими, вечером они «обмыли» очередную зарплату. Троице подросткам в общей сумме 50 лет, двоим потерпевшим — 60! Выпив, подростки вышли на улицу — послушать гитару, покурить на свежем летнем воздухе, пошутить с девчонками. А курева-то как раз ни у кого не оказалось. По улице ковыляли двое пьяных. Один из подсудимых подошел к пьяным, спросил закурить. У тех не оказалось. Пережить это унижение — на тебя смотрят товарищи, девчонки из соседней «общаги», а какие-то типы отказывают тебе в бросовой сигаретке? Подсудимый ударил пьяного мужчину в челюсть — тот упал. Подбежали еще двое, упавшего пинали ногами, до тех пор пока тот не уполз под стоявший рядом трактор. А у второго пьяного, который успел сам свалиться на асфальт, один из подсудимых вытащил бумажник и дал стрекача. Милицья быстро задержала хулиганов и грабителей, отыскала потерпевших. Задержанные сразу признались во всем и все чистосердечно рассказали.

Несложное, право, дело, а сколько сложных вопросов поставило враз.

Родители, приехавшие из другого города области, склонны были во всем винить местные власти: у ребят, де, не было сносной спортплощадки, красный уголок, мол, закрыт на ключ, нет кружков, а клуб завода, где работали подсудимые, от общежития далеко — на другом конце города. Они заявляли на суде, что их дети, когда жили вместе с ними, не употребляли и капли спиртного, не курили, были весьма примерными детьми — занимались спортом, помогали им по хозяйству... Представитель завода резонно замечал, что если молодой парень интересуется боксом или танцами, то ему необязательно покупать портвейн «Южный» и накачивать себя до скотского состояния, а пройти полтора километра до клуба и спортзала все-таки лучше для здоровья и общества, чем пить вино тайком и слушать гитару в подьезде... Хотя, конечно, он признавал, что красный уголок обязан работать, да и спортплощадка должна быть при общежитии... Неужели — будь потрезвее взрослые, «обмывавшие» получку, не смогли бы они противостоять трем несовершеннолетним хулиганам? И разве было бы начато уголовное дело, если бы взрослые дали отпор пьяным подросткам? Конечно, нет... Но для этого они должны были быть трезвыми... А затем — неужели в общежитии разрешается распивать вино бывшим воспитанникам ГПТУ, только две недели назад ставшим рабочими?

И вот приговор... Суд определил всем трем одинаковую меру наказания — год лишения свободы с содержанием в воспитательно-трудовой колонии. Суд также вынес частные определения в отношении предприятий, где работали потерпевшие, указав, что такое поведение в дни получки не украшает данных граждан. Суд вынес также частные определения, которые направил администрации завода, где хотя и недолго, но работали осужденные, — к молодым рабочим надо относиться повнимательнее... Приговор был понятен всем и ни у кого не вызвал протестов.

Конвой увез осужденных в тюрьму, медленно расходились убитые горем родители несовершеннолетних преступников, тихо и пустынно становилось в здании суда. Секретарь прятала в сейф бумаги и дела, строя планы на предстоящую субботу, расходились адвокаты...

Хорьков в своем кабинете записал в настольном календаре: «В субботу зайти в общежитие завода»...

г. РЕЖ, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. ЦЕПКОВ,
генерал-майор внутренней
службы, начальник управления
внутренних дел
Мособлхсполкома

НАЙТИ ПОМОЩНИКОВ

О милиционере сложилось мнение как о человеке, выходящем на схватку с преступником. Что же, это правда. Сотрудники уголовного розыска, служб ГАИ, аппаратов следствия и БХСС должны обладать кроме профессиональных навыков профессиональной смелостью, недюжинной силой, храбростью. Все это так.

Но сейчас не менее важной милицейской службой становится служба профилактики, служба ранней диагностики и предотвращения правонарушений. Сотрудники новой службы наиболее тесно связаны с широкими слоями населения. Успех их работы зависит от того, насколько люди будут доверять милиции, я бы даже сказал — любить милицию, идти в милицию за советом, помощью, идти с горем и бедой. Поэтому сотрудник новой службы должен обладать еще и добротой, деликатностью и главное — умением расположить к себе людей.

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Серьезной задачей остается борьба с преступностью. За последнее время установлена более строгая ответственность за некоторые виды правонарушений. Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить». Эта задача поставлена партией перед всеми коммунистами и в первую очередь перед коммунистами органов внутренних дел.

Нашим обществом уже накоплен большой опыт профилактической работы. Назову лишь некоторые, наиболее действенные формы: комиссии по делам несовершеннолетних и комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом при исполкомах Советов депутатов трудящихся, движение наставничества, добровольные народные дружины, товарищеские суды и посты народного контроля, военно-спортивные лагеря для трудных подростков, работа по месту жительства, детские комнаты милиции.

Сегодня на повестку дня поставлен вопрос о более целенаправленной работе всего нашего общества, всех коммунистов по искоренению преступности.

Одной из форм претворения этой идеи в жизнь явилось создание в составе органов внутренних дел службы профилактики. Созданию новой службы предшествовала большая аналитическая работа.

Какие задачи поставлены перед новой службой? Прежде всего — изучение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих их совершению, разработка на этой основе конструктивных рекомендаций и предложений по устранению причин и условий противоправного и антиобщественного поведения, внесения их в заинтересованные государственные и общественные органы; самая широкая информация руководителей предприятий, учреждений, организаций обо всем отрицательном в правоохранительном отношении.

Было определено, какие категории людей дают нам рост преступности. В первую группу были выделены люди, злоупотребляющие спиртным. Во вторую — бывшие осужденные. В третью — так называемые трудные подростки.

Из сотрудников милиции, «отвечающих» за исправление и перевоспитание этих лиц, решено было составить новую службу.

В 1971 году на базе Коломенского отдела внутренних дел был проведен эксперимент. Там создали отделение профилактики.

Уже первые шаги новой службы доказали жизненную необходимость постоянной связи с общественностью. Потому что участковому инспектору, выявившему пьяниц и дебоширов, проводящему беседы воспитательного характера, одному, без широкой помощи общественных организаций фабрики, завода, где работает его «подопечный», не решить положительно вопроса перевоспитания. Инспектору детской комнаты милиции, поставившему на учет подростка из неблагополучной семьи, опять-таки одному (или даже с помощью шефа) не предотвратить будущих правонарушений несовершеннолетнего. Одному, без помощи комсомольской, пионерской организаций школы, родительского комитета, без помощи тех учреждений, которые могут воздействовать на нерадивых родителей. Так же как начальнику инспекции исправительно-трудовых работ, инспектору части, осуществляющему административный надзор, одному не решить проблему трудоустройства и перевоспитания в трудовом коллективе бывших осужденных, условно осужденных. Потому что мало просто трудоустроить людей со сложной, исковерканной судьбой. Нужно, чтобы трудовой коллектив вдумчиво, требовательно и непременно справедливо относился к таким людям, нужно, чтобы общественные организации повседневно мудро и ненавязчиво вели работу по перевоспитанию.

Надо сказать, что партийные, советские органы, общественные организации Подмосковья профилактике правонарушений уделяют большое и неослабное внимание.

В мае 1971 года бюро МК КПСС рассмотрело вопрос об эффективности воспитательной работы среди населения по месту жительства и профилактике правонарушений. Немного позднее исполком Мособлсовета принял решение «О мерах улучшения работы по профилактике правонарушений в Московской области».

Сессия областного Совета депутатов трудящихся обсудила вопросы организации воспитательной работы и профилактики правонарушений в Можайском и Люберецком районах. Большой трудо-

вой подъем вызвало Обращение областного Совета ко всем трудящимся с призывом превратить Подмоскovie в область образцового общественного порядка и высокой культуры быта.

Вопросы укрепления социалистической законности и профилактики правонарушений обсуждены на пленумах всех горкомов и райкомов партии, сессиях городских и районных Советов депутатов трудящихся, собраниях партийного, профсоюзного, комсомольского активов. Разработаны и утверждены мероприятия, направленные на повышение роли общественных организаций в профилактике правонарушений.

Чуть позднее исполком Мособлсовета постановил создать в области опорные пункты охраны порядка для более целенаправленной профилактики правонарушений по месту жительства.

Сейчас в области создано более ста опорных пунктов.

При опорном пункте микрорайона решением бюро ГК КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся создается совет опорного пункта из 9—11 человек. В состав совета входят заместитель секретаря парткома головного предприятия микрорайона, секретарь или заместитель секретаря комитета ВЛКСМ, командир или начальник штаба ДНД, заместитель начальника ЖКО; председатели домовых и уличных комитетов, товарищеских судов, депутатских групп, родительских комитетов школ; воспитатели общежитий и детских комнат; работники милиции и представители других учреждений, расположенных в микрорайоне.

Работу общественности и милиции в опорном пункте направляют ГК КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся через совет опорного пункта.

Приведу к примеру, как в положении об опорном пункте, утвержденном совместным решением бюро ГК КПСС и исполкома горсовета Электростали, записаны права и обязанности совета опорного пункта.

«Совет опорного пункта организует проведение идеологической и воспитательной работы среди населения микрорайона. Обеспечивает строгое соблюдение советских законов и правил социалистического общежития. Принимает меры по активному привлечению к этой работе жителей микрорайона.

Ежемесячно на своем заседании заслушивает вопросы укрепления общественного порядка в микрорайоне, отчеты руководителей групп общественности и работников милиции о состоянии практической работы, о мерах по совершенствованию ее форм и методов.

Вносит предложения в партийные и советские органы, руководителям предприятий и учреждений, в административные органы об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений в микрорайоне.

Ходатайствует о поощрении представителей общественности и работников милиции, отличившихся в работе по охране общественного порядка и проведении индивидуальной профилактики правонарушений».

Надо сказать, что коммунисты и комсомольцы города Электростали, городского отдела внутренних дел понимают меру своей ответственности. Недаром из года в год добровольная народная дружина города занимает в соревновании ДНД Подмоскovie призовые

места, А на одном из совещаний сотрудников милиции области была отмечена вдумчивая работа старшего участкового инспектора майора милиции Геннадия Петровича Китова. Опорный пункт «Восточный» — один из лучших опорных пунктов области.

За последние три года в городе наблюдается последовательное сокращение преступности.

Чем объяснить такие результаты? Главное — это координированность действий всех общественных организаций, входящих в совет опорного пункта. Ежемесячно на заседаниях совета отчитываются председатели секций и одновременно намечаются меры по устранению вскрытых недостатков.

Председатель секции товарищеских судов докладывает о всех делах, которые разбирали товарищеские суды. О квартирном скандале, о пьяном дебоше около магазина, о мелком хулиганстве подгулявшего рабочего. Это сообщение — как сигнал для действий ДНД. Командир тут же намечает новые маршруты дружинников. Это сообщение — и как руководство к действию для сотрудников детской комнаты милиции: они намечают проверки этих неблагополучных родителей, с тем чтобы выяснить, нормальные ли отношения в семье, как растет там подросток, в каком климате формируется его характер.

Когда же рассказывает о работе сотрудник детской комнаты милиции, то в блокнотах членов товарищеских судов появляются пометки («поговорить с родителями»), представителей школ и родительских комитетов («внимание на уроке», «выяснить каждый случай непосещения школы», «контакт с родителями»), парторга предприятия, где работают родители подростка («поговорить с рабочим С.», «выяснить», «помочь»).

На примере опорных пунктов и общественность, и органы внутренних дел убеждаются: без взаимодействия не может быть успеха в предупредительной работе. Теперь и прежние традиционные профилактические формы углубляются. И общественные организации, и сотрудники органов милиции ищут (и находят) линии взаимодействия.

На ряде предприятий области активно и наступательно работают советы по профилактике нарушений норм права и дисциплины труда. На Ступинском металлургическом комбинате такой совет был образован в 1970 году решением партийного комитета и дирекции комбината. Совет заседает еженедельно, по четвергам. На заседания приглашаются работники, допустившие нарушения, и непременно мастера или другие руководители, в непосредственном подчинении которых нарушители работают.

Оказавшись перед лицом товарищей, среди которых большинство — такие же рабочие, как и он сам, даже отпетый нарушитель чувствует себя неуютно.

Но особенно действенной работа совета стала с тех пор, как на его заседания стали приглашать и участкового инспектора Александра Федоровича Савина.

— Теперь провинившийся знает, что и участковый инспектор, и общественность опорного пункта возьмут его под неослабный контроль, — рассказывает парторг комбината Алексей Иванович Батурин. — На этих же заседаниях наш Александр Федорович делает сообщения о тех отступлениях от норм поведения, которые допускают

иные рабочие за проходной комбината. Для нас такое сообщение — толчок, чтобы пристальнее присмотреться к человеку, побеседовать, разъяснить, если не понимает, или «применить иные меры общественного воздействия», как говорится в таких случаях.

На комбинате меньше стало прогульщиков, нарушителей трудовой дисциплины. На территории опорного пункта — меньше хулиганов, дебоширов, пьяниц.

А вот другой пример. Уже несколько лет исключительно интересно и насыщенно живет в городе Краснозаводске Загорского района детский клуб «Республика Красная гвоздика». Ребята здесь ведут летопись своей «республики», изучают основы журналистики, встречаются с ветеранами труда и войны, устраивают военно-спортивные игры. Летом «республиканцы» работают в соседних колхозах и совхозах, путешествуют по нашему прекрасному Подмосковию, ездят на уборку урожая в молдавский колхоз, с которым давно подружились.

Много среди воспитанников «Красной гвоздики» бывших трудных. Инспектор детской комнаты милиции Валентина Владимировна Давыдова, зная умение и увлеченность организаторов «Красной гвоздики», направляет сюда ребят, состоящих на учете в детской комнате милиции. Работая в контакте, они добились многого: всего за время своей работы «Красная гвоздика» помогла исправиться 87 трудным подросткам.

И случаи сотрудничества общественных организаций и органов милиции все больше и больше. Они уже складываются в систему.

Формируя новую службу, мы вполне отдавали себе отчет, что для нее нужны люди, обладающие способностью убеждать, хорошие организаторы, имеющие склонность к общественной работе, которые начали бы приобщаться к ней в силу внутренней потребности. И вместе с тем люди добрые.

Если сегодня приходится отмечать успехи нашей молодой службы, то это прежде всего потому, что в самом начале основное внимание было сосредоточено на подборе таких людей, которые взялись бы за новое дело не по приказу, а по душевной склонности. Большую помощь оказала нам в этой работе областная партийная организация, советские и комсомольские органы, коллективы трудящихся, которые направили на работу в милицию, в том числе и в службу профилактики лучших коммунистов и комсомольцев, передовиков производства.

Хотелось бы назвать некоторых из них. Таких, как Василий Матвеевич Ерзунов. Это о нем, молодом организаторе детского клуба, десять лет назад писала «Комсомольская правда».

Беспокойный парнишка, о котором писала газета, теперь уже не Васа, а Василий Матвеевич. Живет он все в том же городе Ступино. Василий Матвеевич не утратил вкуса к общественной деятельности, ему по-прежнему чужда успокоенность. Только с годами в его делах и поступках стало больше уверенности, прибавилось опыта и деловой цепкости. Ныне В. М. Ерзунов — начальник отделения профилактической службы Ступинского городского отдела внутренних дел.

Более трех лет работает в отделении профилактики Электро-стальского ГОВД капитан милиции Иван Иванович Матиенко. В прошлом это один из лучших сыщиков, исключительно добросовестный

сотрудник, и не удивительно, что он стал умелым организатором индивидуальной предупредительной работы с ранее судимыми. Отвечая за организацию профилактики среди состоящих под административным надзором, И. И. Матиенко постоянно оказывает им помощь в трудоустройстве, принимает меры к закреплению за поднадзорными шефов и наставников, систематически лично проверяет соблюдение ранее судимыми установленных для них ограничений, привлекает к этой работе других сотрудников милиции и общественность. Десятки бывших осужденных благодаря кропотливой и настойчивой работе И. И. Матиенко твердо стали на путь исправления, работают на заводах и стройках, учатся в различных учебных заведениях. Многие из них оказывают милиции помощь в поддержании общественного порядка.

Подлинными энтузиастами своего дела являются майор милиции А. Ф. Кукушкин из Коломны, майор милиции В. Я. Тимашков из Щелкова, капитан милиции В. П. Куракин из Электростали.

В профилактике правонарушений мы, сотрудники милиции, нашли помощников понимающих, ответственно относящихся к делу, настоящих энтузиастов,— это общественные организации. Мы будем крепить этот союз.

В. И. Ленин указывал, что социалистического правопорядка можно добиться лишь в том случае, если сама народная масса помогает. Истинность этого положения еще раз подтверждена делом.

А. ЛЕБЕДЕВ,
следователь прокуратуры
Можайского района
Московской области

ИЗВЕЩЕНИЕ

Х Р О Н И К А О Д Н О Г О
Р А С С Л Е Д О В А Н И Я

У

тром 16 июня Таня Соколовская направилась к железнодорожной станции, которая находилась в трех километрах от деревни. День был теплый, солнечный, и идти по лесной тропинке было легко и приятно. Она прошла уже больше половины пути, когда на тропинке, в том месте, где к ней вплотную подступают кусты ивняка, появился мужчина. В правой руке у него тускло поблескивал небольшой топорик. Он неожиданно шагнул на-

встречу Тане и схватил ее за руку. Совсем рядом она увидела багровое и опухшее лицо незнакомца. Таня почувствовала резкий запах табака и винного перегара.

Другой рукой он выхватил Танину сумочку. Опустив топор и продолжая одной рукой держать девушку, мужчина попытался открыть сумочку, но у него это не получалось. Ее замок был довольно сложным. Рука, держащая Таню, ослабла, девушка рванулась, со всей силы толкнула грабителя и бросилась к деревне.

— Только бы не упасть... только бы не упасть,— сверлила голову одна-единственная мысль. По лицу текли слезы. Она размазывала их и бежала, бежала.

Таня уже не видела, как нападавший собирал оставленные ею вещи, как озирался по сторонам и, убедившись, что свидетелей не было, исчез в кустах. Она даже ни разу не оглянулась. Ей казалось, что дорожке, по которой она бежала, не будет конца. Но вот тропинка сделала крутой поворот, и Таня выбежала на край поля, на другом конце которого — рукой подать — была деревня. На поле мирно рокотал трактор. Несколько человек что-то снимали с прицепной тележки и складывали неподалеку. Только теперь Таня остановилась. К горлу подступила противная тошнота, в висках стучало и невыносимо ломило. Она опустилась на землю и долго лежала неподвижно, пока не почувствовала, что может встать и идти.

Дома Таня Соколовская, как могла, рассказала, что с ней только что произошло. Вместе с родителями она пошла сначала к участковому, а затем в поселковое отделение милиции.

Сотрудники милиции сразу же выехали на место происшествия. Они тщательно осмотрели тропу и прилегающие к ней кусты. Но никаких следов обнаружить не удалось. Потерпевшая подробно описала внешность преступника, его характерные приметы. Вспомнила она и то, что одет нападавший был в изрядно поношенный серый костюм. А через несколько дней сотрудники милиции задержали по подозрению в совершении этого преступления жителя одной из деревень, некоего Зворыкина Александра Матвеевича.

...Зворыкин категорически отрицал причастность к разбойному нападению. 16 июня, заявил он, никуда не отлучался с приусадебного участка. Жена Зворыкина, Любовь Николаевна Трофимова, подтвердила, что ее муж в тот день неотлучно находился на приусадебном участке и занимался хозяйством. То же самое говорили и его соседи. И все же у следователя было еще много сомнений.

Зворыкин вновь был доставлен для допроса.

— Вы, как и прежде, отрицаете, что 16 июня совершили разбойное нападение? — спросил его следователь.

— послушайте, гражданин следователь,— усмехнулся задержанный,— если вы не можете найти действительного преступника, то и не пытайтесь «пришить» это дело мне. Все равно у вас ничего не получится. Попусту время теряете. А я этого так не оставляю.

— Скажите, Зворыкин, есть ли у вас костюм серого цвета?

— Был, гражданин следователь, был. Да только в самых первых числах июня жена перекрасила его и продала на барахолке. Может спросить у нее.

Обыск в доме Зворыкиных результатов не дал. Правда, были изъяты два топора. Соколовская заявила, что не может сказать, был

ли какой-либо из них у преступника в момент нападения. Оставалась единственная надежда — предъявить Зворыкина потерпевшей для опознания. Но тут произошло непредвиденное.

Из камеры предварительного заключения, где находился Зворыкин как подозреваемый, он был доставлен в кабинет начальника следственного отделения на допрос в час дня. Примерно в это же время в город приехала Соколовская. Прямо со станции она направилась в районный отдел внутренних дел. Хотя до опознания, на которое ее пригласили, оставалось еще часа полтора, Таня решила, что ничего предосудительного не будет, если придет пораньше.

— Вам кого? — спросил ее дежурный отделения милиции.

— Мне к майору... — и Таня назвала фамилию начальника следственного отделения.

— Вам срочно, девушка?

— Да, очень.

— Тогда пройдите, — улыбнулся он, — четвертая дверь налево.

Таня вошла в кабинет и замерла от неожиданности. Перед майором сидел и что-то объяснял ему человек, неизвестное лицо которого навсегда запечатлелось в ее памяти.

— Вы уже арестовали его, — взволнованно воскликнула она. — Подлец!.. Негодяй!.. Теперь вы за все... за все ответите. Это он, он тогда напал на меня!

Майор резко встал из-за стола и как-то странно и растерянно посмотрел на Таню... Ее неожиданное появление не позволило провести опознание. Ведь подозреваемого, как того требует закон, надо было предъявить для опознания вместе с другими лицами и в присутствии понятых. Зато у следователя прибавилась уверенность: преступник найден. Но надо было искать доказательства его вины, ибо он по-прежнему все отрицал.

Вот в таком виде дело о разбойном нападении на Соколовскую Т. А. поступило в прокуратуру. Следователь Анатолий Васильевич Кудрявцев изучил дело и составил план расследования.

Предполагая, что Зворыкин постарался уничтожить все вещественные доказательства, надо было вновь пройти по всем этапам преступления и попытаться найти то, что, возможно, первоначально было упущено. Анатолий Васильевич был убежден в том, что ни один преступник, даже самый опытный и осторожный, не может совершить преступление, не оставив при этом никаких следов. Нужно только уметь найти их, обнаружить.

На следующий день следователь выехал в деревню, где проживал Зворыкин, чтобы еще раз побеседовать с соседями и другими жителями. С десятками людей пришлось встретиться Анатолию Васильевичу. И вот один из жителей вспомнил, что Зворыкин в тот день нес две жерди для ремонта изгороди. Это уже было что-то новое.

— Вы убеждены, что он нес эти жерди именно 16 июня? — еще раз уточнил следователь.

— Вполне. Ведь это был последний солнечный день. Той же ночью разразилась гроза. С тех пор до сегодняшнего дня стоит пасмурная погода. Я тогда работал на своем участке в одних брюках, без рубашки. Загорал. Зворыкин было остановился поговорить со мной, но его позвала жена, и он ушел.

— Какой костюм был на Зворыкине, когда он нес жерди?

— Вот этого сказать не могу, не обратил внимания. А вот что он нес жерди — точно.

Следователь тут же запросил районную метеостанцию о состоянии погоды днем 16 июня, в ночь с 16 на 17 и в последующие сутки. Вскоре пришел ответ: действительно, днем 16 июня в районе стояла теплая солнечная погода. В ночь же с 16 на 17 разразилась сильная гроза, и в последующие дни погода установилась пасмурная, с частыми дождями.

Получив эти данные, Кудрявцев вызвал на допрос жену Зворыкина Трофимову.

— Я хочу у вас выяснить, что делал ваш муж по хозяйству 16 июня?

— Он весь день работал на приусадебном участке, — повторила она первые показания.

— Что именно он делал? — продолжал следователь.

— Ремонтировал изгородь, — ответила Трофимова.

— Чем же ваш муж ремонтировал ее?

— Не знаю, я не смотрела.

— Приносил ли он в тот день свежесрубленные жерди?

— Не знаю.

— А вот свидетель Чернышев показывает, что ваш муж 16 июня приносил две жерди и что вы также это видели. Вспомните, пожалуйста, так ли это?

— Ах, да. Правильно. Муж в тот день действительно приносил какие-то жерди.

После ухода Трофимовой Анатолий Васильевич еще раз проанализировал составленный ранее план расследования, внес в него соответствующие коррективы.

Теперь необходимо было встретиться с потерпевшей. И вот в его кабинете сидит Соколовская.

— Скажите, Таня, вы хорошо помните все обстоятельства происшедшего? Расскажите все, что тогда произошло, и как можно подробнее.

— Да что, собственно, рассказывать? Ведь все уже давно записано. Ничего нового я не скажу.

— Ничего, ничего, Таня. Давайте вспомним об этом еще раз.

Рассказ потерпевшей длился недолго. Когда Таня кончила, Анатолий Васильевич поинтересовался:

— А в чем вы сами были одеты в тот день?

— Погода тогда стояла теплая. На мне была только белая шелковая кофточка. Я это хорошо помню.

— Скажите, а какой рукав был у вашей кофточки: короткий или длинный?

— Длинный.

— Потом вы надевали ее? Стирали?

— Нет. Я тогда вечером сняла ее, повесила, так она и висит до сих пор.

— На предыдущем допросе вы говорили, что нападавший схватил вас за руку. Причем схватил крепко и так держал несколько минут.

— Да, я это подтверждаю и сейчас.

— В каком месте он держал вас за руку?

— Вот здесь, несколько выше запястья.

— Таня, нам необходимо осмотреть вашу кофточку. И, если вы не возражаете, то давайте прямо сейчас и сделаем это.

При осмотре кофточки на левом ее рукаве было обнаружено небольшое грязное сальное пятно, оставленное, по словам Тани, руками преступника. Кофточку изъяли и приобщили к делу.

Теперь следователь вызвал на допрос Зворыкина. После ознакомления с показаниями Чернышева и жены подследственный заявил:

— Точно, гражданин следователь, все правильно. Срубил я деревца на жерди. Но когда меня так неожиданно задержали и доставили в милицию, да еще обвинили в разбое, я, естественно, побоялся об этом сказать. Думал, что на основании этого могут осудить. А уже потом, когда меня поместили в КПЗ, я понял, что бояться нечего. Ведь то, что я срубил две жерди,— не преступление. Знаете, когда впервые сталкиваешься с милицией и прокуратурой, поневоле обробеешь.

— Ну, положим, вас еще никто ни в чем не обвинил. Вы сможете показать место, где вами были срублены два молодых деревца для ремонта изгороди?

— Безусловно.

Прямо из кабинета, пригласив понятых, выехали в лес. Действительно, в трех километрах от места нападения на Соколовскую Зворыкин указал на два небольших пня, заявив, что именно здесь в тот день он срубил два деревца. Это был серьезный козырь в его алиби.

С двух пней, указанных Зворыкиным, в присутствии понятых были сделаны спилы и на каждом куске дерева поставлен номер. Расположение пней было обозначено на плане, приложенном к протоколу выхода на место происшествия.

— Нам налево,— проговорил Анатолий Васильевич, когда машина выехала из леса.— Поезжайте прямо к дому Зворыкина.

Дорогой Зворыкин старался держать себя, как и прежде. Однако, когда подъезжали к деревне, какое-то беспокойство овладело им. Было заметно, что ему требуется огромное напряжение воли, чтобы скрыть его.

Вскоре машина остановилась неподалеку от дома Зворыкина.

На пороге тотчас же появилась Трофимова.

— Здравствуйте, Любовь Николаевна,— подошел к ней следователь.— Придется еще немного побеспокоить вас. Сейчас с понятными мы осмотрим изгородь на вашем участке, а вы, если не трудно, придите вместе с нами.

На изгороди были обнаружены две жерди со следами свежих срубов. С них были произведены срезы комлевой части и затем пронумерованы. Время от времени Кудрявцев наблюдал за Зворыкиным и его женой. Его поразила та отчужденность, с которой она отнеслась к мужу: ни разу не взглянула на него, не пыталась заговорить с ним. Он же все время смотрел на Любовь Николаевну с каким-то напряжением, словно боясь, что она вот-вот сделает что-то непоправимое.

Когда машина тронулась и деревня скрылась из вида, нетрудно было заметить, как Зворыкин почувствовал огромное облегчение — рад скорому отъезду.

На следующий день в прокуратуру вызвали потерпевшую. Вместе с ней, понятными, сотрудниками милиции и представителями общественности выехали на место происшествия. Анатолий Васильевич предложил присутствующим встать так, чтобы каждый видел своего соседа по обе стороны от себя. Вполне возможно, что жерди были срублены преступником где-то здесь, недалеко от места нападения на Соколовскую. Жерди, по-видимому, были очищены в том самом месте, где их срубили, поэтому, попросил он, обратите особое внимание на срубленные ветви.

Тщательно осматривая метр за метром, вся группа от указанного Таней места стала передвигаться по направлению к железной дороге. Вскоре в нескольких сотнях метров от места нападения были обнаружены два небольших пня со следами недавних срубов. И снова были сделаны спилы, пронумерованы, а место обнаружения пней отмечено на плане местности.

Срезы с пней на месте происшествия, с пней, указанных Зворыкиным, а также срезы с жердей с огорода Зворыкина были направлены в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции СССР на трассологическую экспертизу, а белая шелковая кофточка с грязным пятном от рук — на химическую экспертизу. Для исследования туда были представлены и два найденных у подозреваемого топора.

Анатолий Васильевич с нетерпением ожидал результата экспертизы. А пока он еще и еще раз изучал дело. И чем пристальнее он это делал, тем больше и больше задумывался над тем, что же все-таки представляет из себя Зворыкин? Кто он?

Вскоре пришли ответы экспертов. Трассологическая экспертиза дала заключение, что следы разрубов на срезах с пней, изъятых с места происшествия, полностью совпадают со следами на комлевой части жердей, изъятых с огорода Зворыкина. Таким образом, эти части деревьев были ранее единым целым, а срубили их одним из топоров, принадлежащих Зворыкину. Срезы же с пней, которые указал Зворыкин, не совпали с жердями, обнаруженными на его участке. Эксперты пришли к выводу, что деревья, используемые Зворыкиным в качестве жердей, существенно отличаются и по возрасту от тех, которые были им указаны.

— Что ж, время работает против преступника. И как бы он ни изворачивался, разгадка теперь ясна, — рассуждал Анатолий Васильевич. — Посмотрим, что нам покажет химическая экспертиза. Так... так...

Он прочитал заключение: «На рукаве кофточки, представленной для проведения химической экспертизы, в сальном пятне есть мельчайшие вкрапления железа. Однородные вкрапления железа имеются и на ручке топора, которым были произведены срубы деревьев на месте происшествия».

Итак, круг замкнулся. Экспертизы изобличали Зворыкина в особо опасном преступлении. Однако следователь продолжал искать новые доказательства.

Анатолия Васильевича не покидала мысль: Зворыкин — отнюдь не новичок в преступном мире. Никаких доказательств этому не было, но опыт, интуиция следователя позволяли сделать подобный вывод.

Опять и опять Кудрявцев возвращался к протоколам допроса Зворыкина, воспроизводил в своей памяти каждую встречу с ним. На одном из допросов, еще в самом начале следствия, тот небрежно кинул фразу, которая настораживала следователя: «Не пытайтесь пришить это дело мне». Почему «пришить»? Почему? Ведь это выражение бытует лишь в преступной среде,— думал Кудрявцев.

Уже на допросе у Анатолия Васильевича Зворыкин заявил, что его «неожиданно задержали и доставили в милицию, а затем поместили в КПЗ». Задержали, а не арестовали. Да, Зворыкин, видимо, понимал разницу между задержанием и арестом. И еще Зворыкин на первом и на последующих допросах обращался к следователю не иначе, как «гражданин следователь». Гражданин, а не товарищ. Говорил автоматически, не задумываясь над содержанием. А как искусно он скрывал следы преступления, как уверенно, словно после репетиции, держал себя на допросах!

В следственный изолятор, где содержался Зворыкин, Анатолий Васильевич приехал рано утром. Ожидая, когда в кабинет для допроса доставят арестованного, он еще раз проанализировал ход предстоящего разговора.

— Если следствие имеет дело с опытным преступником,— рассуждал он,— тот, будучи избалованным неоспоримыми доказательствами, постарается изобразить наивного, ничего не смыслящего простачка, чтобы, ну если не уйти от ответственности вообще, то хотя бы значительно смягчить свою ответственность в содеянном и, по возможности, избежать наказания, которого он заслуживает. И, конечно же, постарается как можно лучше сыграть это. Кроме того, ему крайне не выгодно, чтобы следствие затягивалось. Ведь всегда будет ощущаться угроза разоблачения других преступлений, если они были.

— Здравствуйте, гражданин следователь,— нарочито громко произнес Зворыкин, едва переступил порог кабинета.— Приблизились ли вы к нашей общей цели? Если да, то насколько? Я, право, уже начал беспокоиться.

— Садитесь, Зворыкин, садитесь. А беспокоились вы не напрасно. Ознакомьтесь, пожалуйста, с содержанием этого документа,— Анатолий Васильевич положил на стол заключение трассологической экспертизы.

Тот долго и внимательно изучал заключение экспертов. Наконец, опустив его, отодвинул на середину стола.

На несколько минут в комнате воцарилось молчание.

— Знаете, а ведь я действительно срубал жерди недалеко от того места, где было совершено нападение на девушку. А когда пошли слухи, что где-то там совершено преступление, я, естественно, решил, что могут заподозрить и меня. Тогда-то я срубил еще два дерева в другом месте, чтобы было полное алиби. Но вижу, оно оказалось липовым. Но преступник-то все же не я.

Он не сдавался.

— Вот и я, Зворыкин,— сказал следователь,— подумал, что мо-

жет произойти ошибка и пострадает невиновный. Но в деле есть еще один документ, и я вижу, вас с ним необходимо ознакомить.

Зворыкин весь напрягся в ожидании.

Следователь не спеша достал, еще раз пробежал глазами заключение химической экспертизы и протянул его Зворыкину.

Что-то похожее на обреченность промелькнуло у него в глазах. Ознакомившись с выводами экспертов, Зворыкин достал сигарету, нервно размял ее, закурил.

— Прежде чем отвечать на ваши вопросы, я бы хотел знать, будет ли при определении меры наказания учитываться мое чистосердечное признание?

«Как четко формулирует свою мысль,— пронеслось в голове у Анатолия Васильевича,— прямо как по кодексу».

— Чистосердечное — да. Но в чем вы хотите раскаяться?

— Нападение на Соколовскую совершил я.

— Куда вы дели вещи, унесенные с места преступления?

— Выбросил в пруд недалеко от станции.

— Можете показать, где именно?

— Да.

Отдыхающих, которых в этот день было особенно много, весьма удивило, когда на берегу пруда появились сотрудники милиции и два водолаза.

— Вот здесь,— указал Зворыкин на старую ветвистую иву, низко склонившуюся к воде.

Вскоре водолазы извлекли из пруда сумочку Соколовской. Других вещей найти не удалось. Но и собранных доказательств было вполне достаточно. Можно было сказать, что преступление раскрыто. Оставалось написать обвинительное заключение и направить его прокурору для утверждения.

Однако Анатолий Васильевич не торопился.

Его первоначальные подозрения в том, что на совести Зворыкина лежат и другие преступления, переросли теперь в убежденность, хотя на все запросы о судимостях, которые направлялись во время следствия, ответы приходили одни и те же: ранее не судим, к уголовной ответственности не привлекался.

На память вдруг незольно пришла встреча Зворыкина с женой в день, когда осматривался приусадебный участок. Наверное, мозг следователя, натренированный многими годами работы, сам изыскивал те моменты, которые когда-то им были зафиксированы, но до поры как бы отходили на задний план, оставались в тени. Перед глазами встало лицо Трофимовой, холодное и безразличное. Ее потухший, отсутствующий взгляд. И тут же, как в калейдоскопе, на смену этому возникло напряженное лицо Зворыкина, его беспокойно бегающие глаза.

— Что же все-таки кроется за этим? — думал Анатолий Васильевич.— Почему Зворыкин в этот день так испугался присутствия жены? Да и фамилии у них разные почему-то: он — Зворыкин, она — Трофимова...

Вечером после работы следователь выехал в деревню, где проживала семья подсудимого.

— Здравствуйте, Любовь Николаевна,— произнес он, входя в дом Зворыкина,— не ожидали гостя?

Только теперь Кудрявцев рассмотрел ее. Это была женщина лет тридцати пяти. Лицо ее было уже изрезано глубокими морщинами. Чувствовалось, жизнь изрядно потрепала ее.

— Любовь Николаевна, почему вы первоначально скрывали, что муж ходил 16 июня в лес за жердями? Почему утверждали, что пиджак мужа вы еще раньше перекрасили и продали? Да и вообще стремились направить следствие по ложному пути... Что-то постоянно угнетает вас, Любовь Николаевна, не мучьте себя, выскажите все, что у вас наболело... Если вам что-то известно, помогите нам. Я же вижу, что вы что-то не договариваете, о чем-то умалчиваете.

— Не могу я так больше,— сказала она наконец тихим голосом,— не могу. Вся жизнь с ним я не жила, а существовала. Вечный страх за себя и за сына измучил меня. Я состарилась раньше времени, истосковалась по нормальной жизни. Больше я так не могу.— Она встала из-за стола, несколько раз прошлась по комнате.— Муж мой никакой не Зворыкин, а Трофимов. Трофимов Аркадий Емельянович. Когда мы с ним познакомились, был человек как человек. Ничем от других не отличался. Поженились. Вскоре родился Сашка.

Она говорила быстро, торопливо, словно боясь, что если сейчас не выскажет всего наболевшего, то уже никогда никому не расскажет этого. Анатолий Васильевич слушал молча, не перебивая.

— Так вот,— продолжала она,— через некоторое время я стала замечать, что муж встречается с какими-то темными дельцами. Они приходили к нам, пьянствовали. Стали появляться чужие вещи, иногда очень дорогие. Потом вещи исчезали. Однажды Зворыкина несколько дней не было дома. Вернулся он ночью. На нем был длинный черный плащ с чужого плеча. Его пиджак, брюки, рубашка были густо испачканы кровью. Местами одежда была порвана. Он молча снял ее и велел тут же сжечь. Вид его был так свиреп, что я не смогла не сделать этого. Левая рука мужа, чуть выше локтя, была перевязана белой тряпкой, которая тоже была измазана кровью. «Если где пикнешь,— пригрозил он мне,— убью! Если не успею я— это сделают вот они»,— и он указал на пришедшего с ним мужчину. С этого момента жизнь моя стала невыносимой. Я не могла спокойно жить ни одного дня.

...Вскоре муж опять исчез куда-то и вернулся недели через две. Рука его, по-видимому, поджила, так как он уже свободно владел ею. Несколько месяцев после этого он никуда не выходил из дома и к нему никто не приезжал. Только иногда получал открытки с какими-то поздравлениями, и все. Но постепенно опять стали появляться его друзья, стали продолжаться пьянки. Он сам подолгу не появлялся дома. А жизнь Трофимовой была каким-то кошмарным сном. Она ненавидела мужа, презирала себя, но сделать ничего не могла. Женщину сковал страх. Страх не столько за себя, сколько за подрастающего сынишку. Что будет с ним, если она разоблачит мужа, а его сообщники выполнят угрозу? Она не видела выхода...

— Но ведь вы могли обратиться к нам,— сказал следователь.— Мы бы всегда помогли.

— Боялась,— коротко ответила Трофимова.— Все время боялась.

В этот момент дверь открылась и на пороге появился вихрастый мальчуган. Любовь Николаевна быстро подошла к нему, взяла

на руки, крепко прижала к груди. На глазах снова навернулись слезы. Она несколько раз поцеловала сына. Тот ничего не понимающими, широко раскрытыми глазами смотрел то на мать, то на не знакомого ему дядю. Малыш был очень похож на мать, и это обстоятельство почему-то радовало следователя.

Как ни важны были полученные сведения, продолжать беседу Анатолий Васильевич уже не мог. Уходя, следователь невольно оглянулся и заметил, с какой благодарностью Трофимова смотрит ему вслед. Видимо, все эти годы она скрывала от ребенка ту пропасть, которая пролегла между ней и мужем.

На следующий день Любовь Николаевна, уже успокоенная, продолжала рассказ в кабинете следователя. Два года назад она заметила, что муж живет в каком-то страхе. Страх перешел в ужас. Два дня и две ночи муж метался по комнате: выходил на улицу, возвращался и опять расхаживал взад и вперед. Он выглядел жалким и ничтожным. Трофимова поняла, что дела его плохи, что, возможно, его арестуют. И она ждала этого. Но возмездие не свершилось. Муж снова пропал куда-то. Вернулся он через неделю и заявил: «Собирайся, завтра мы уезжаем. И запомни: как только мы выедем за пределы нашего района, я — не Трофимов. Не Трофимов, а Зворыкин, Зворыкин Александр Матвеевич. Живем мы с тобой в незарегистрированном браке. О первом твоём муже ты ничего не знаешь и не пытались узнать после того, как он оставил тебя. Тебе незачем было это, так как я заменил его и материально ты была обеспечена. Мы будем жить на новом месте, и ты забудь все, что было до этого. Что будет в противном случае, ты знаешь».

— Так я жила все это время вплоть до его ареста,— закончила Трофимова.

— Вот вам ручка, бумага,— сказал следователь,— садитесь и опишите подробно все, что вам известно. Опишите тех, кто приходил к вашему мужу. Их возраст, рост, лицо, глаза. Во что они были одеты, их особые приметы, если они есть. Например, шрамы, наколки. Особенности их голоса. Как они обращались друг к другу, как называли один другого. Возможно, они упоминали какие-нибудь клички. В общем, все, все подробно. И не надо ничего бояться. Мы сегодня же допросим вашего мужа, и уверяю вас, его участь разделят все его сообщники, если они, конечно, еще не разделили ее. По-видимому, он один из тех немногих, кому тогда после совершенного преступления удалось скрыться от следствия, уйти на дно. Теперь с вашей помощью и они не останутся безнаказанными, не уйдут от правосудия.

Паспорт Зворыкина был срочно направлен на криминалистическую экспертизу, которая определила, что он был выдан на имя Зворина Алексея Матвеевича, а затем подделан и Зворин Алексей Матвеевич превратился в Зворыкина Александра Матвеевича.

Все материалы о прошлой преступной деятельности Зворыкина-Трофимова были выделены в отдельное производство и направлены по подсудственности. «Ну вот и все, гражданин Трофимов-Зворыкин, конец нашему диалогу»,— подумал Анатолий Васильевич, подписывая обвинительное заключение.

Наше общее дело

Юрий Грибов опубликовал повесть «Сороковой бор», которую прочел я единым махом, отложил на день и принялся за нее вторично, и не только потому, что книга эта — поэтическая, добрая, продолжающая великие традиции Михаила Пришвина, но и оттого еще, что вопросы, поднятые в ней, затрагивают проблемы отнюдь не локального, а общесоюзного значения.

Это — не детектив, не исследование и не приключение. Это неторопливый, влюбленный рассказ о Сергее Васильевиче Моисееве, сгере из деревушки Глушь, в центре знаменитого на Псковщине Сорокового бора, что неподалеку от Гдовского тракта, вокруг которого собрана «вся прелесть русской природы: тут и поля с озимой рожью, овраги, заросшие ольхой и черемухой, клеверные стога вдаль, молодые перелески и гулки, нескончаемые урочища, где почти за каждым песчаным увалом то озерцо зеркальное светится, то река под обрывом играет».

Своеобычную повесть Юрия Грибова отличает определенно го рода «сплав» — поэтики,

документальности (вымышленных имен у него нет) и тревоги, именно тревоги за судьбу природы нашей Родины, за то, что дано нам единожды, что невозместимо и неповторимо никогда и нигде.

Философия в книге Юрия Грибова наша, социалистическая; стиль — во многом перекликающийся с аксаковскими традициями, и еще есть в ней одно качество, крайне важное: открытая, атакующая гражданственность. Об этом, однако, позже. Поначалу хочется продолжить рассмотрение прозы Юрия Грибова. В повести его нет канонических начал, лихих сюжетных поворотов и — обычных для посредственности — счастливых развязок, которые устраивают и строгого критика — блюстителя канонов, и сентиментального читателя. Грибов идет по жизни, видит и чувствует ее не как турист и пишет поэтому просто, но в то же время в каждой строке его, самой даже лирической, присутствует тревога...

...Пришел сгерь Сергей Васильевич Моисеев в райком партии с заявлением об уходе. Хватит. Силенки еще есть, но

устал он биться с браконьерами один на один: вот и сердце начало из-за этого барахлить и старые фронтовые раны заняли. Перифразируя Маяковского, он бы мог сказать: «Вот вам мое ружье, пожалуйста, охраняйте сами!» Но Моисеев не просто егерь; как и большинство людей этой профессии, он в душе поэт. И еще он хозяин леса. Уговорили Моисеева вернуться егерем, несмотря на то, что браконьеры и собак его постреляли, и на него самого покушались, и семье грозили.

А тут еще появился в районе Сорокового бора волки.

Мастерски, драматургически упруго Юрий Грибов описал сцену охоты: егерь — против стаи, один — против пяти, и, ей-богу, казалось мне, что писатель чувствовал за волчьим оскалом звериный браконьерский оскал.

В повести подслушан и точно передан чудный псковский, приграничный с Эстонской республикой язык. Главы о раненом лебедь и о лесном пожаре драматичны, написаны, чувствуется, с болью, на едином дыхании.

Словом, если подвести черту, разбирая повесть Юрия Грибова как произведение литературное, то следует поздравить писателя с большой творческой победой. Подражательство в искусстве — смертоносно. Грибов никак не подражал ни великолепным книгам В. Солоухина, ни пронзительно-грустным запискам Е. Дороша, ни атакующему стилю Г. Радова. Он шел своей дорогой, по своему Сороковому бору, по землям и весям родной ему Псковщины, и потому-то книга его самобытна, очень личностна, лирична и светится любовью к

его героям — нашим с вами, уважаемый читатель, согражданам.

Я говорил выше о том, что повесть эта поднимает вопросы общесоюзного значения, и это очень хорошо, ибо подчас проза наша подобна улитке — пищит себе что-то, а что — непонятно, еле слышно и ограниченно своей надежной скорлупкой. Когда же проза позволяет поднимать и обсуждать проблему, волнующую не район или область, не ведомство какое-либо, а всю страну, тогда можно считать, писатель поступил по-некрасовски, ибо воистину «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Когда же поэтика и гражданственность воссоединяются, тогда можно радоваться истинной удаче и с особой мерой доверия исследовать проблему, поставленную писателем.

Действительно, трагедия (именно трагедия) егеря Моисеева является типической, ибо, несмотря на то, что в нашей стране приняты прекрасные, перспективные законы об охране природы, технически (мотоцикл, spisанный «газик»), подчас и организационно на местах их еще не везде подкрепили. А для того, чтобы они могли выполнить свою высокую миссию, требуется постоянная, действенная поддержка, в первую очередь от местного руководства.

Ну, слава богу, есть на Псковщине прекрасный егерь Моисеев, есть в Кабардино-Балкарии замечательный патриот природы, кандидат экономических наук Хажимел Саншюков, есть в Ставрополе истинный романтик, егерь Василий Алексеевич из Темполес-

ской станции, есть в Азербайджане, в Кзыл-Агаческом заповеднике Семен Герасимович Гишавили, есть свои поэты природы на Селигере и в Спас-Клепиках, но ведь им (говоря языком ведомственным — Глав-охоте РСФСР, республиканским обществам охотников, воинским и профсоюзным) надобно помочь не только словом, но и делом.

Герою Грибова, егерю Монсееву провели телефон — и ведь как благодарен человек за это! Не по друзьям же ему звонить, не по подружкам — по делу, по нашему общему делу! Пожар лесной случись, услышь он выстрелы браконьеров в ночном лесу — можно хоть связаться с милицией, с активистами, с лесниками. Но ведь этого мало! Нужно подумать и о техническом оснащении егерских хозяйств страны (вплоть до предоставления им права арендовать вертолеты в случае необходимости для контроля над лесными угодьями с воздуха).

Потомки не простят нам, если мы оставим им в наследство леса, где не будет пичуг и токованья глухарей, озер, в ко-

торых лишь лягушки будут квакать! Не простят нам потомки, если не сохраним мы для них журавлиного курлыканья, пересвиста крыльев быстрых шилохвостей на позднем осеннем перелете и медленного плесканья карпа посреди не озера, сокрытого тяжким, слонстым туманом, за которым робко угадывается будущее солнце.

Многое сделано для охраны природы в нашей стране, многое делается, но сделать предстоит нам еще очень много, ибо только тогда ты можешь считать себя ленинцем, когда сосредоточиваешь внимание не на успехах, а на тех нерешенных задачах, которые ждут своего безотлагательного решения.

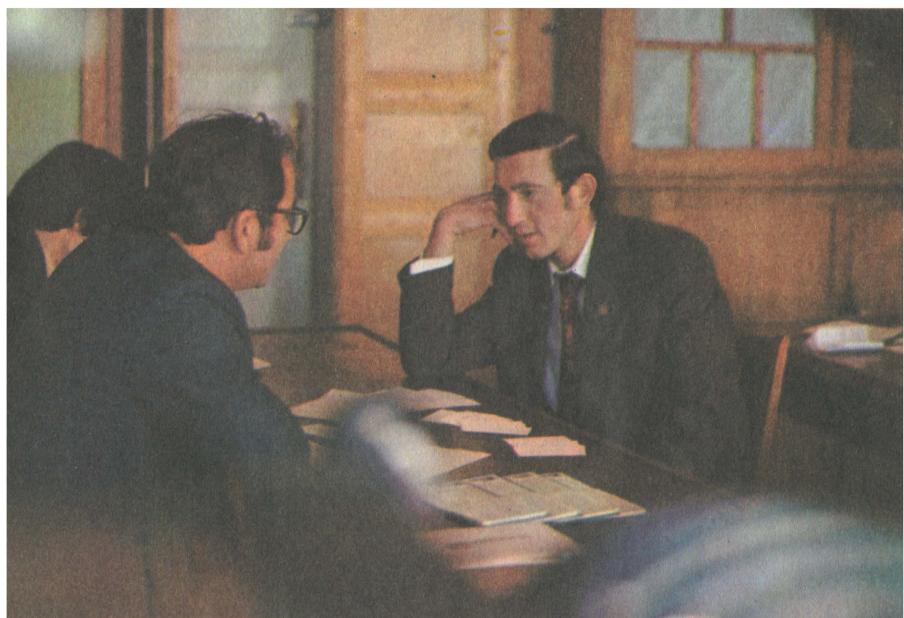
То, о чем с такой проникновенной грустью написал Юрий Грибов, должно стать предметом внимания широкой общественности и прежде всего исполкомов Советов депутатов трудящихся, которые могут и должны позаботиться о том, чтобы егеря чувствовали поистине всенародную поддержку.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

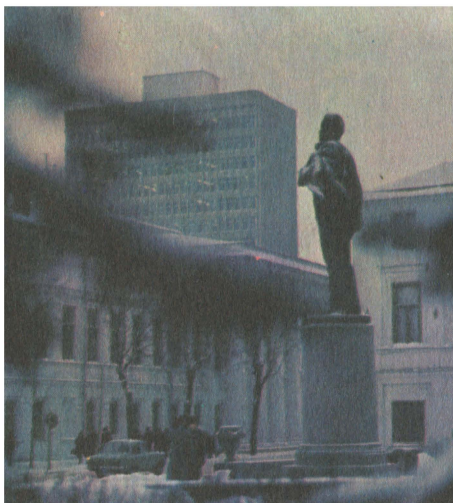
Ветеран Великой Отечественной войны Евгений Саватеевич Хорьков — председатель Режского городского народного суда (Свердловская область).

Фото В. ПАВЛОВА и В. ЯКОВЛЕВА.

**В КАЗАНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА**

На снимках нашего фотокорреспондента запечатлены моменты из жизни кафедры охраны природы, самой молодой в университете. Слева: экзамен по биохимии. Слева внизу: в зоологическом музее университета. Внизу: на лекции.

**Заведующий кафедрой охраны природы
и биогеоценологии профессор В. А. Попов
беседует с выпускницей
Галиной Костровой.**

Фото В. ЗИМИНА.

По заветам Ильича

В нынешнем году в Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина будут вручены дипломы выпускникам самой молодой кафедры биолого-почвенного факультета — охраны природы и биогеоценологии. Наш корреспондент попросил заведующего кафедрой доктора биологических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР и Татарской АССР профессора В. А. ПОПОВА рассказать, чем вызвана потребность в создании кафедры охраны природы и чем она отличается от других кафедр факультета.

— Наше знамя — ленинское отношение к природе. В. И. Ленин подписал 94 документа по охране природы: по организации заповедников, охране леса, зеленой зоны и так далее. При В. И. Ленине был организован Комитет по охране природы, которым руководил друг и соратник Ильича — П. Г. Смидович. С каждым годом в нашей стране охране природы уделяется все большее внимание. Вы уже, очевидно, заметили: в названии кафедры есть слово «биогеоценология», означающее науку, цель которой изучать в общей совокупности как жизненные процессы, так и происходящие с землей, почвой. Вот мы и готовим специалистов, способных заниматься как охраной природы в целом, так и изучением всех сложных взаимоотношений в природе.

Чтобы было яснее, я познакомлю вас с принципами нашей деятельности. Уже с первого курса студент получает специализацию, на других же кафедрах это происходит лишь с третьего курса. Наш специалист должен быть знаком с ботаникой, животным миром, почвой, санитарной охраной, очистными сооружениями и так далее. Мы готовим специалистов широкого профиля, рассматривающих природу как единое целое, ибо нарушение одного звена в цепочке разбивает весь комплекс, и происходит то, что мы называем экологическим взрывом. И в то же время — диалектика — мы придерживаемся и третьего принципа: специалист должен быть узкого профиля, должен заниматься, скажем, рыбой, ботаникой либо пропагандой охраны природы. Чтобы наглядно проиллюстрировать, насколько велик объем нашей работы, скажу вам, что мы читаем студентам 28 специальных курсов, среди которых «Правовые вопросы охраны природы», «Международные правовые вопросы охраны природы» и другие.

— Виктор Алексеевич, а куда ваши выпускники — специалисты направляются на работу после окончания университета?

— Во-первых, в Госкомитеты по охране природы на Украину, в Белоруссию, Азербайджан и ряд других республик страны.

В министерства и ведомства, на которые возложена ответственность за охрану природной среды, в плановые органы областей и республик. Наши специалисты должны составлять планы по охране природы. Это особенно важно при строительстве новых гидроэлектростанций, заводов, жилых кварталов и так далее. Направляем мы их и в республиканские общества охраны природы. Должны быть биогеоценологи и в заповедниках, которых у нас в стране 11. Готовим мы кадры и для высших учебных заведений. Ведь сейчас в каждом вузе и среднем специальном учебном заведении должен читаться курс охраны природы. А специалистов нет. И, наконец, наших выпускников мы направляем в научно-исследовательские учреждения.

— Как вы отбираете студентов, способных к научной работе?

— Уже с первого курса мы приучаем студентов к научной работе. Они зимой занимались изучением влияния подледного лова на маточное стадо и так далее. И вот большая кропотливая работа показала удивительную вещь: несмотря на ограничение любительского лова пятью килограммами рыбы, его объем больше, чем объем государственного лова.

Володя Бойдерин доказал, как при определенных условиях лыжня, оставленная на склоне гор, вызывает эрозию горных склонов. За дипломную работу Володя получил медаль Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ЦК ВЛКСМ. Он оставлен в нашей аспирантуре. Выпускница Галя Кострова рабо-

тует в Полярно-Альпийском ботаническом саду при Кольском филиале Академии наук СССР. И таких примеров можно привести много. Здесь важно отметить главное: запросов на наших специалистов поступает намного больше, чем мы их выпускаем.

А это эпизоды из студенческих будней...

ПЕТРУСЬ БРОВКА,
Герой Социалистического
Труда, лауреат Ленинской
премии

СУДЬЯ

Являть гуманность и суровость
Ты должен на посту судьи
Добро и правда, честь и совесть —
Вот подзащитные твои.

Трудясь, наш светлый мир мы строим.
Но жжет иных не наша страсть:
Гореть в работе не дано им,
Им лишь бы выгадать, украсть.

Статьи закона четки, строги,
Они — оружие твое.
Пока на нашей есть дороге
Рвачи и прочее жулье,

Твой долг — бороться с чуждым, старым.
И хоть порою враг не прост,
Не отступай! Тебе недаром
Доверен твой высокий пост.

Когда ведешь ты этот правый,
Еще не заверченный бой,
Есть над тобою герб державы,
А значит — весь народ с тобой.

Перевел с белорусского В. Корчагин.

ИЗ СВИДЕТЕЛЕЙ — НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

Недavno во время одного из судебных заседаний произошел такой случай. Не скажу, чтобы часто, однако время от времени нечто подобное происходит. В зал судебных заседаний под конвоем, с соблюдением всех должных формальностей и правил был приведен... кто бы вы думали? Свидетель. Самый безобидный, как говорится, чистый свидетель. Просто суду были нужны его показания. А он в суд не являлся. В результате мы вынуждены были провести операцию по розыску и приводу свидетеля. А когда его доставили в зал заседаний, то еще вынуждены были выслушать от него полную возмущения речь, обвинения в нарушении законности и даже угрозы. Ему показалось обидным, когда милиционер прямо с рабочего места доставил его к месту назначения.

— Не имеете права! — далеко не вполголоса заявил свидетель.— Это мое личное дело — давать показания или нет. А вести меня через весь завод, через весь город под конвоем... это оскорбление личности.

— Простите, но перед этим вас вызывали в суд повесткой. При чем вызывали не один раз.

— Ну и что?

Пришлось объяснить строптивому товарищу, что статья 73 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывает свидетеля явиться по вызову следователя, прокурора, суда и дать правдивые показания, сообщить все известное ему по делу, ответить на поставленные вопросы. При неявке свидетеля без уважительной причины он может быть подвергнут приводу. За уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по статье 182 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей довольно серьезный штраф или лишение свободы на срок до шести месяцев.

— Даже так? — удивился наш свидетель.

Здесь мы столкнулись со случаем, когда человек попросту не знает своих обязанностей, не знает законов и руководствуется, так сказать, собственным характером и настроением на данный момент.

уголке: идёт совещание угольщиков, все номера заняты, да и сроки проживания в гостинице прошли...

Небольшой зал красного уголка выглядит непривычно — по-домашнему: на диванах постельное белье, кругом стопки учебников и тетрадей, детские игрушки, посуда с едой, в углу чемодан, сумки, несколько пар обуви. За столом сидит белокурый парнишка в очках с толстыми стеклами — сын Лилии Ивановны Саша. Готовит домашнее задание по географии. Напротив — сама Шуклина.

— Вот так и живем. И никто о нас не помнит, никому мы не нужны,— слезы навернулись на глаза молодой женщины. Однако она быстро взяла себя в руки.— Но я добьюсь своего. Ее вышвырнут отсюда, а меня вселят. На моей стороне закон!

— Может быть, попробуем разобраться во всем с самого начала, по порядку,— прошу я.

— А где оно, начало-то,— опустила она на мгновение голову. Но только на мгновение, а затем энергично заговорила...

Эпизоды давно минувшего перемешались в ее рассказе с событиями последнего времени, воспоминания о недолгих днях супружеского счастья то и дело сменялись слезами неотмытой обиды...

Только после долгого изучения судебного дела Шуклиных и многочисленных бесед с работниками суда, прокуратуры, горисполкома стала проясняться история, которую лишь чрезвычайно сдержанный человек может мягко назвать «неприглядной».

...Пожились Лилия и Николай еще в студенчестве. Вместе со всеми прочими атрибутами этого события у молодых появились и обычные супружеские обязанности. Правда, для Лилии этот брак значительно расширял их круг: Николай не имел обеих ног.

Вместе закончили педагогический институт (она стала преподавателем французского языка, он — математики), по распределению приехали в Новомосковск, здесь же получили двухкомнатную квартиру (ту самую, из-за которой ныне ведут тяжбу). Вскоре у них родился сын, Саша. И жизнь вроде бы совсем наладилась, но, как оказалось, не надолго.

Начались семейные разлады. Вообще-то их причины были сугубо личными, и они обычно всеобщей гласности не предаются. Но бывшие супруги, ничтоже сумняшеся, начисто отбрасывают эти «архаические условности» и во всеуслышание обличают друг друга во всех возможных и невозможных грехах. Перечислять их не буду. Скажу лишь, что неурядицы в семье Шуклиных закончились тем, что Лилия Ивановна с сыном уехала летом 1969 года на Север, забронировав при этом жилплощадь. Правда, местные жилищные органы сведения о броне Николаю не переслали, что впоследствии стало одним из главных «козырей» новой четы Шуклиных.

Одиночество Николая продолжалось недолго: спустя два месяца у него поселяется Галина Степановна Жукова, его будущая жена. Он прописывает ее к себе (помощь ему действительно нужна) сначала временно. Затем спустя несколько месяцев Николай разводится с Лилией Ивановной и регистрирует брак с Галиной Степановной.

На этом завершился первый этап семейной истории Шуклиных, когда супруги без колебаний и с обоюдной поспешностью предали забвению свои супружеские да и просто людские обязанности друг перед другом.

Дальше события развивались, по словам самих же Шуклиных, совсем в иной плоскости — стороны стали любыми дозволенными и недозволенными методами отстаивать свои «права».

Женившись вторично, Николай прописывает на забронированную Лилией Ивановной площадь Галину Степановну уже постоянно. Впоследствии, оправдывая этот шаг, он скажет на суде: «Ни я, ни в ЖКО не знали, что площадь забронирована», чем и исчерпает весь запас доказательств законности своих действий. Что ж, у суда не было оснований подвергать такой факт сомнению. Но с другой стороны — не мог ведь Николай не знать, что Лилия уехала на Север по договору на определенный срок и когда-нибудь обязательно вернется домой. Да не одна, а с сыном!

А между тем летом 1971 года, как того и следовало ожидать, с Севера приезжает в отпуск Лилия с Сашей. Начинаются суды: делят вещи, определяют размер алиментов. Остается один нерешенный вопрос: где жить Саше с матерью?! А за то время и в новой семье родился мальчик.

Суд решил: вселить Л. И. Шуклину с сыном Сашей в эту двухкомнатную квартиру. Решил справедливо, поскольку, готовя дело к рассмотрению, в суде не один раз разговаривали с Шуклиными и знали: Лилия Ивановна не требовала тогда немедленного вселения. Она лишь хотела на основании этого решения получить равное с Николаем Васильевичем право на размен квартиры. А поскольку и новая чета Шуклиных в то время также не была против размена, то решение о вселении Лилии Ивановны фактически способствовало наиболее естественному и быстрому улаживанию конфликта.

Другое дело, что в такой ситуации обе стороны должны были бы проявить величайшую сдержанность по отношению друг к другу и начать активные поиски вариантов размена жилплощади. Но этого не случилось, и вопрос о размене «повис» в воздухе — бывшие супруги выжидали, кто первым уйдет с «поля боя». Так была подготовлена почва для скандала.

Приехав с сыном в отпуск уже весной 1974 года, Лилия Ивановна потребовала немедленного вселения в квартиру. И вот 7 мая вечером началась процедура вселения. Началось с перепалки: Галина Степановна не давала вносить вещи. Обе женщины на высоких нотах обменивались репликами, не стесняясь в выражениях. После почти пятчасового скандала Лилии Ивановне с сыном пришлось идти в гостиницу. Конечно, милиция, вызванная Л. И. Шуклиной, могла в этом случае «и власть употребить», но поступила, на наш взгляд, очень дальновидно и по-человечески, решив дать «поостынуть» накалившимся страстям.

Не хватает слов, чтобы оценить этот случай, инициаторами которого стали матери своих детей, воспитатели юношества. Именно здесь они вольно или невольно проявили свои жизненные позиции: любые средства хороши в достижении нужных целей, даже если средства не только незаконны, но и безответственны.

И все началось снова. Поскольку Галина Степановна и Николай Васильевич препятствовали вселению Лилии Ивановны с сыном в квартиру, последняя вновь обратилась в суд. Теперь она уже потребовала не только вселения, но выселения из квартиры второй

жены Шуклина (мотив — муж незаконно прописал ее на забронированную площадку без согласия Лилии Ивановны).

Вот так бой за «принципы», за то, чтобы говорить «на равных», создал почти неразрешимый конфликт. Теперь новая жена Шуклина с двухлетним ребенком, по мнению Лилии Ивановны, должна быть отселена от мужа.

— Не слишком ли? — спрашиваю я истицу.

— А с нами как поступают, оставляя без жилья вот уже сколько лет? Ну нет, я не отступлюсь. И обязательно привью сыну вечную ненависть к отцу. Пусть они узнают, на чьей беде строят свое счастье!

Юрий Павлович, напротив, считает, что прав только он...

Суд, где обе стороны заняли еще более непримиримые позиции, вновь решил: вселить Лилию Ивановну с сыном на спорную жилплощадь, а в иске о выселении второй жены Шуклина отказал.

Но Лилия Ивановна твердо стоит на своем и подает кассационную жалобу в областной суд, требуя выселить новую жену Николая.

Так история Шуклиных получила общегородскую огласку: в нее были втянуты суд и прокуратура, милиция и жилищные органы, исполком горсовета и редакция местной газеты. Необычность ситуации заставила эти организации с глубоким пониманием и деликатностью принять все возможные меры к тому, чтобы решить конфликт. Исходя из самых гуманных побуждений, исполком горсовета предложил Лилии Ивановне вне очереди комнату в хорошем доме со всеми удобствами. Изыскать такую возможность было, наверно, нелегко: с жильем в городе пока трудно. Но она отказалась: «Вот вселюсь, буду с ними на равных, тогда, может, и соглашусь на комнату!».

И вот начинается новое вселение. Лилия Ивановна идет на него с неистребимой уверенностью в своем праве на оплату. Николай и Галина Шуклины, тянувшие время, лихорадочно ищут выход (не хочется ведь терять отдельную квартиру).

Обо всем остальном бывшие супруги начисто забыли. Они теперь (с опозданием почти на пять лет!) много говорят о моральной подоплеке этого дела, о человеческом достоинстве, порядочности. Но стоит лишь напомнить им, что продолжающаяся тяжба и есть плод их недостойного поведения и что она могла быть прекращена даже без суда, из уважения к себе и людям, как наша беседа становится похожей на диспут, где одна из сторон всячески уходит от разговора по существу, забывая про только что сказанные слова о долге, морали. Но как бы вольно ни обращались с фактами бывшие супруги, своим нежеланием поступать ни по закону совести, ни по статье закона они лишний раз показали свою нравственную незрелость. Затеяв тяжбу, Шуклины не посчитались не только с потерей собственного престижа в коллективе и обществе, но и с тем, как болезненно может отразиться их родительская «слава» на своих сыновьях. А об этом-то Лилии и Николаю стоило подумать всерьез!

А. ТЮЛЬПИН,
наш специальный
корреспондент

нам пишут

Броварские ротозей

Уважаемая редакция! По долгу службы мне недавно пришлось познакомиться с двумя производственными характеристиками одного человека. Довольно краткими, но очень емкими по содержанию. Приведу их дословно.

Первая: «За время работы проявил себя с положительной стороны. Технически грамотен. Трудолюбив. Дисциплинирован. Производственные задания выполнял».

Вторая: «За время работы он зарекомендовал себя как злостный прогульщик и пьяница, с ним неоднократно проводились беседы со стороны администрации цеха, его поведение обсуждалось на сменных собраниях и заседаниях цехового комитета, но воспитательная работа, проводимая администрацией и общественностью цеха, положительных результатов не имела».

Тексты документов воспроизведены не в выдержках, а полностью и подписаны одними и теми же людьми — руководителями предприятия, комсомольской и профсоюзной организаций, скреплены одной печатью, освещают один и тот же период деятельности человека — с января по июль 1973 года.

Столь противоположные, эти документы якобы характеризуют Шушарина Анатолия Мироновича, вулканизаторщика Броварского шиноремонтного завода.

В чем же дело? А ларчик открывается довольно просто — характеристики, видите ли, давались для разных целей: первая — при поступлении Шушарина на службу в одно авторитетное заведение. Но там быстро распознали «липу», и попытка проходимца потерпела крах. Было установлено, что Шушарин не только пьяница и прогульщик, но и преступник, занимавшийся мошенничеством и выколачивавший деньги у доверчивых сослуживцев.

Тут-то и появилась вторая характеристика: ее затребовал следователь, занявшийся делом этого проходимца.

Выдавая себя за частного снабженца, способного достать абсолютно все, начиная от натуральной норки и кончая искусственной почкой, этот рубаха-парень охотно «помогал» каждому, кто нуждался в чем-либо. Свою помощь Шушарин не ограничивал сферой дефицитных товаров. Требовался кому-либо больничный бюллетень или иной липовый документ — прошу, пожалуйста. За оказанную услугу «благодетель» брал фактическую стоимость товара либо то, что необходимо для «подмазки» дела. Деньги, разумеется, во всех случаях только вперед. Ну, а потом доверчивый клиент долго ждал обещанного. И напрасно. Его денежки быстро оседали в ресторанах за кутежи с купеческим размахом.

Не обходил своим вниманием Шушарин и руководство. Прослышав, что начальник его смены Лысенко хотела бы перебраться по-

ближе к родным, а закон обязывает ее, как молодого специалиста, повременить с этим еще два года, предложил свои услуги.

— Что закон? — обхаживал девушку делец. — Да я вам, Валюша, через друга-профессора в мгновение ока представлю справочку о несовместимости вашего хрупкого организма с броварским климатом, и вы — вольная птица.

Лысенко не устояла против таких веских аргументов. И шестьдесят рублей, предназначенных якобы для оплаты труда высококвалифицированного врача, переключиваются по маршруту Лысенко — Шушарин — ресторан.

Вывод из всей этой истории один: там, где еще водятся ротозей и «добренькие» беспечные дяди, облеченные общественными полномочиями либо властью с печатью, всегда могут найти возможность для своих противоправных действий мошенники и проходимцы типа Шушарина.

Б. ПАНИН,
полковник юстиции

Нашли или украли?

С «трудными» ребятами мне, как инспектору детской комнаты милиции, приходится встречаться постоянно. Чаще всего наши знакомства начинаются с таких проступков, которые уже граничат с преступлениями. Один недавний случай и навел меня на мысль написать в редакцию.

...Все произошло мгновенно. Ребята не успели и глазом моргнуть, как Колька Минайкин вытолкнул их из Савеловского вокзала на улицу. Потом они бежали и оглядывались, хотя никто за ними не гнался. В первом попавшемся подъезде кинулись под лестницу. Долго не могли отдышаться, ошеломленные происшедшим, молчали.

Первым, как всегда в их тройке, очнулся Колька: «Забоялись, да? Но мы ведь не воры: бабка деньги потеряла, а мы подобрали... А здорово я их ногой накрыл!» — пытался развеселить он друзей. Потом Минайкин начал считать деньги — тысяча рублей! Всех троих «пробил» холодный пот: вот почему так отчаянно закричала бабка, когда обнаружила потерю. Что же с этой кучей денег делать? Первым желанием было — вернуть сейчас же. Но соблазн пересилил, и деньги не возвратили.

В тот же день решили уехать из Москвы, попутешествовать. Прибыли в Минск. Сутки проболтались в незнакомом городе и вновь вернулись в Зеленоград.

К этому времени ребят уже искали и родители и милиция. У одного из них отец обнаружил деньги. Веревоочка потянулась, и дело раскрылось. Нашли старушку, вернули ей с помощью родителей все деньги (благо, что около восьмисот рублей они не успели истратить и припрятали). А ребят после многочисленных бесед с их родителями и учителями поставили на учет в детской комнате милиции.

Иногда у нас пытаются оправдать ребят, совершивших преступление. И тогда, как правильно заметил рабочий К. Вахлярский (см. статью «Сам за все в ответе» № 9 за 1974 год), получается, что все кругом виноваты: и родители, и школа, и трудовой коллектив. Только не сам подросток... А почему, собственно? Ведь всем хорошо известно, что подросток уже может (и обязан!) отвечать за свои поступки.

подавляющее большинство «трудных» ребят, с которыми нам приходится иметь дело, совершенно не приучены отвечать за свои дела. И восполнить эти пробелы в воспитании подростка очень тяжело. Тут нет готовых рецептов для всех, нужно искать пути к каждому конкретному человеку.

В нашем городе детям, особенно трудным, уделяют большое внимание и государственные учреждения, и общественность. Много сил отдает работе с малолетними правонарушителями полковник в отставке Иван Михайлович Чабров. Это он организовал в городе клуб юных друзей милиции (ЮДМ), собрав туда почти всех трудных ребят из близлежащих микрорайонов. Здесь стремятся не только организовать досуг подростков, оторвать их от сомнительных компаний, но и, используя принцип самоуправления клубом, воспитать у ребят чувство ответственности за свои дела.

Сейчас в клубе занимается около трехсот подростков и каждый находит здесь интересное дело — от спорта до живописи и радио-конструирования. Но при всем многообразии ребячьих интересов нравственным стержнем всей жизни в клубе остается доверие коллектива к подростку и строгий контроль за тем, как он соблюдает моральный кодекс строителя коммунизма.

Правление клуба держит тесную связь с детской комнатой милиции, школами, комиссией по делам несовершеннолетних при исполкоме горсовета. По первому же сигналу бедствия (такой-то начал прогуливать уроки, хулиганить на улице) юдезмовцы ненавязчиво, а по-дружески берут парнишку под свой контроль. И в подавляющем большинстве случаев эта коллективная опска дает действенные результаты: подросток выравнивается, а порой становится и примером для других.

Так было и с теми тремя мальчиками, о которых зашла речь в самом начале. Так было и с Сережей Куликовым, теперь одним из самых активных членов правления клуба. О его судьбе хочется рассказать подробнее. Как говорят, отбилс я он от рук в седьмом классе. В общем-то способный парень, а заниматься совсем перестал. Нахватал двоек, прогуливал уроки, начал даже выпивать и, наконец, убежал из дому. Тут-то мы поближе с ним познакомились, рекомендовали в клуб ЮДМ, связались со школой. Помучились мы с ним тогда, но не впустую: одумался парень, взглянул на жизнь другими глазами. Закончил 8 классов, пошел работать. Сейчас учится в вечерней школе и связи с клубом не теряет, сам помогает выправиться другим. Потому что именно здесь, в клубе, ему помогли понять, что человек начинается с ответственности за свои поступки.

Т. ОВСЯННИКОВА,
старший инспектор детской
комнаты милиции Зеленограда
(Москва)

**письмо
с комментарием****ЗАКАЗЧИКУ
ВОЗМЕЩАЮТ УБЫТКИ...**

Следуя рекламным призывам службы быта, я еще в марте (до наступления лета) сдал плащ в химчистку. Пришло время получать.

— Пока не готово, зайдите через недельку,— предложили мне в комбинате бытового обслуживания...

Дело кончилось тем, что я написал жалобу на администрацию комбината. Ответ был такой: «...Задержка произошла ввиду перегрузки фабрики заказами. Приемщикам указано на необходимость более внимательно подходить к приему заказов...»

Так неужели ателье ответственно перед клиентами только в моральном отношении?

**И. ПОЛОВИНОВ,
Г. ГОРЬКИЙ**

Редакция попросила прокомментировать это письмо кандидата юридических наук Валентина Семеновича Мартемьянова.

Ателье службы быта отвечает перед клиентом за все причиненные по вине ателье убытки (а не только за «моральные», как пишет И. Половинов). Убытками же по закону считаются последовавшие из-за нарушения обязательств утрата или повреждение имущества клиента, понесенные им в связи с этим расходы, а также доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом.

По ряду договоров для организаций бытового обслуживания закон устанавливает неустойку, которую они обязаны уплатить за допущенные нарушения.

Например, организации, выполняющие ремонтные работы в квартирах по заказам граждан, за просрочку ремонта обязаны уплатить заказчику за каждый просроченный день пеню в размере 0,1 процента стоимости ремонта (включая стоимость материала подрячика), а по истечении недели со дня срока исполнения заказа — еще и неустойку в размере 2 процентов стоимости ремонта (включая стоимость материала подрячика).

Нередко можно столкнуться с тем, как от человека, требующего правильного исполнения договора, стремятся отмахнуться, на его письма и запросы от-

делываются отписками. Заказчик становится просителем, а ведь он по закону — равноправный участник правоотношения.

Поэтому, думается, расширение возможностей граждан защищать свои права в быту эффективно воздействовало бы на нерадивых работников сферы обслуживания. Тем более что в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС объем бытовых услуг в этом пятилетии возрастает более чем в два раза.

Говоря о способах защиты гражданских прав в быту, нельзя не видеть и определенных недостатков в этом деле. Конечно, взыскание убытков, причиненных нарушением договора со стороны обслуживающих организаций, возможно. Но ведь чаще всего мы имеем дело с копеечными убытками в имуществе и с большими убытками неимущественного свойства: потеря времени, испорченное настроение и, как результат, снижение трудоспособности. Моральной компенсацией в таких случаях могла бы служить материальная ответственность организаций хотя бы в форме неустойки (не говоря уже о предупредительно-воспитательном ее значении).

Но почему-то из всех договоров, применяемых в бытовом обслуживании, только в отдельных типовых договорах есть пункты о неустойке.

Положительную роль могла бы сыграть и «бесспорная» неустойка в делах, связанных с

просрочкой исполнения, начисляемая самим исполнителем по датам просрочки, указанным в квитанции. Кстати, такую незначительную сумму неустойки можно было бы взыскивать и не только в пользу гражданина, а в пользу местного бюджета. Взыскание неустойки тем не менее отразилось бы на финансовом положении обслуживающей организации и сыграло бы роль как взыскания, так и сигнализатора для органов, контролирующей службу быта. Это, разумеется, не должно исключать возможности граждан требовать удовлетворения и путем взыскания убытков.

Многие читатели предлагают более последовательно и детально определить штрафные санкции по всем возможным видам нарушений в сфере обслуживания и упростить процедуру их применения. Видимо, такие предложения заслуживают внимания и способны улучшить охрану прав граждан в быту. Во всяком случае, эксперимент в этом направлении необходим. И провести его могут министерства бытового обслуживания населения республик. Не следует, конечно, переоценивать значения имущественной ответственности как единственного средства защиты интересов заказчиков. Основную роль в этом деле призваны сыграть сами работники службы быта, за счет внедрения новой технологии, передового опыта. Многие в этом отношении могут сделать и местные Советы депутатов трудящихся.